

Надежда Федотова

ВОЖДЕЙ НЕ ВЫБИРАЮТ
МОЙ СТАРЫЙ ДОБРЫЙ ВРАГ

КУДА ОНИ УХОДЯТ
РЫЦАРЬ ЧАШИ И ЗМЕИ

КАПКАН ДЛЯ ГОНЧЕЙ
ГОНЧАЯ. ТЕНЬ КОРОЛЯ
ОХОТА НА ГОНЧИХ

МИССИЯ: БЕЗ ВАРИАНТОВ

Надежда Федотова

Охота на ГОНЧИХ

Роман

Москва, 2016
 АЛФА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Ф34

Художник
С. Бабкина

Федотова Н. Г.
Ф34 Охота на гончих: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2016. — 505 с.: ил.

ISBN 978-5-9922-2267-8

Иная зима хуже осени. То снег, то дождь, то ледяная слякоть, холодный ветер пробирает до костей — хоть вовсе на улицу не выходи. В такую погоду даже хозяин собаку из дому не выгонит! Если только хозяин этот не король Шотландии, а «собака» — не гончей породы...

Меньше всего на свете лорд Мак-Лайон хотел ехать на север, к норманнам, да еще и без приглашения. Совершенно не хотел брать с собой любопытную супругу. А уж перспектива неделю провести на борту драккара, корчась от приступов морской болезни, и вовсе вгоняла в тоску, не считая прочие обстоятельства. Однако служба есть служба!.. Скрепя сердце королевский советник ступил на сходни, не ожидая от предстоящей поездки ничего, кроме головной боли... Но сильно просчитался. Нет, головную боль он, конечно, получил. Вот если бы только ее! Веселый пир обернулся трагичной, радушные хозяева — тюремщиками, охотник и дичь поменялись местами, жизнь старого друга повисла на волоске...

И что хуже всего — это было только начало.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Федотова Н. Г., 2016
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2016

ISBN 978-5-9922-2267-8

ПРОЛОГ

В полумраке Охотничьей залы, чуть разбавленном алым мерцанием углей в камине, с трудом угадывались очертания мебели. Длинный пустой стол, придвинутые к нему вплотную высокие деревянные кресла, безмолвные чучела зверей на массивных подставках. Забреди сюда хвативший лишку гость, коих нынче вечером в Стерлинге было что блох на собаке, он не нашел бы ничего, достойного внимания. Разве только диван с высокой резной спинкой, стоявший напротив камина, смог бы кого-то заинтересовать.

Но увы, диван, несмотря на обманчивую пустоту залы, был уже занят.

— Ах, лорд! Ну что же вы? Здесь ведь совсем никого!

— Леди Чисхолм...

— Просто Абигейл, — жарко шепнула пышная блондинка, придвигаясь вплотную к своему кавалеру. — К чему сейчас все эти глупости? Мы одни и... как долго я этого ждала!

Ладошка дамы будто невзначай легла на колено ее визави, шаловливо теребя край килта. Мужчина хмыкнул:

— Однако вам не откажешь в смелости, Абигейл.

— Дагласы всегда получали что хотели, — заявила прелестница, прижимаясь к нему всем телом. — И то, что мне пришлось сменить фамилию, роли не играет. Ну же, лорд! Эта ваша бесстрастность так возбуждает...

— Я заметил, — проронил тот, едва успев перехватить вторую шаловливую ручку, скользнувшую под килт. — А мы не слишком торопимся? Кроме того, ваш супруг...

— Роди? — Она сморщила носик. — Он слеп как крот!

— Зато богат как Крез, — проникательно усмехнулся кавалер, — и слишком влиятелен для того, чтобы я мог о нем позабыть.

¹ И от жестокости норманнов избави нас, Господи! (лат.) Слова из текста христианских богослужений (церковный собор в г. Меце, 888 год). — *Здесь и далее примеч. авт.*

— Чуть! Мало ли у нас богатых да влиятельных? А уж первому советнику короля и вовсе не пристало бояться какого-то там...

— Этот «какой-то там» — ваш законный супруг, Абигейл. Вы сами-то не боитесь?

— Нет. — В улыбке женщины сквозила легкая насмешка. — Я не вчера родилась, лорд Мак-Лайон. И хоронить себя заживо рядом с этим старым сморчком не собираюсь.

— Какая верная жена, — с чувством проговорил советник, обнимая раскрасневшуюся даму за талию, — это была единственная возможность сберечь тайну килта еще хоть на пять минут. — И что же вы тогда вышли за него, Абигейл? С вашими несомненными достоинствами?

— Вы столько говорите о моих достоинствах, но до сих пор так и не удосужились на них хотя бы взглянуть. А я вас уверяю, там есть на что посмотреть!

— И не только посмотреть?..

— О да-а... Лорд Мак-Лайон, вы невозможны! Еще ни один мужчина так долго не сопротивлялся!

— Разве я сопротивляюсь? Бог с вами, Абигейл. — Ивар покосился в сторону чучела медведя и, подпустив в голос страстной хрипотцы, склонился над тяжело дышащей дамой. — Вы способны вскружить голову даже королю. И я искренне не понимаю, как ваш супруг...

— Опять вы о Роди? — Она недовольно надула уже подставленные для поцелуя губы. — Дался же вам этот неудачник. Всего и есть, что главенство в клане — и то ненадолго. Забудьте о нем, думайте обо мне!

— Только этим и занимаюсь, — жарко дыша в ухо плавающей леди, уверил королевский советник. — А что вы имели в виду, когда сказали «ненадолго»?..

— То и имела. — Пухлая ручка «верной» жены снова скользнула вверх по его ноге. — В нашем замке такая крутая лестница, а бедный старичок ужасно любит выпить... О, не подумайте дурного, я очень привязана к Роди! Но, сами понимаете, всякое бывает.

— Понимаю. Экая вы, однако, решительная особа, Абигейл. И не печально ли будет во цвете лет остаться вдовой?

— Посмотрите на меня, лорд Мак-Лайон, — мурлыкнула соблазнительница, — и подумайте сами... Одиночество мне не грозит. А что касается положения — своего я не упущу. Младший брат Роди овдовел еще год назад. А он куда как симпатичнее... И наверняка понятливее, чем вы! Лорд, хватить играть со мной, как кот с мышью. Ну же, смелее, я вся горю!..

— Вот это точно, — с облегчением проронил Ивар, железной рукой стиснув ее запястье. — Погорели вы, леди Чисхолм. Скромнее надо быть.

— Н-не поняла?!

Он пожал плечами и легко поднялся с дивана:

— Вы красивая женщина, Абигейл. Но совершенно не в моем вкусе. Хотя такая предприимчивость меня, признаться, восхищает. Кстати, придется вас расстроить — лорд Чисхолм-младший отнюдь не мечтает жениться на вдове своего брата. Больше того, именно он мне вас и заложил.

— Ларри? — Она фыркнула. — Какая чушь!

— Вы его недооценили. Кстати, по поводу лестницы — ваш к ней интерес мимо предполагаемого нового мужа тоже не прошел.

Леди Абигейл прищурилась:

— Напугать меня вздумали? Смешно!

— В этом я, простите, сильно сомневаюсь.

— Сомневайтесь сколько угодно. Лестница, ха! Вы ничего никому не докажете, а Роди влюблен в меня до безумия. Он вам просто не поверит! И брату не поверит. А если я расскажу мужу, что вы оба меня грязно домогались, то...

Чучело медведя у камина вздрогнуло и разразилось бурным потоком самой бульварной ругани. Женщина, взвизгнув, вжалась в спинку дивана. А Ивар про себя восхитился выдержкой ее супруга — после таких откровений кто-нибудь другой вполне мог вылезти еще на первом упоминании злосчастной лестницы.

— Вы все слышали, лорд Чисхолм? — Советник повернулся лицом к чучелу. Из-за постамента, бранясь на чем свет стоит, выбрался щуплый мужчина преклонных лет. Его выцветшие глаза метали громы и молнии.

— До последнего слова, — прошипел кандидат в покойники, не сводя горящего взора со стремительно бледнеющей жены. — У, змея подколодная!.. А я, остолоп, едва родного брата «за брехню» не прирезал!

— Роди... — Леди Абигейл, растеряв всю самоуверенность, громко всхлипнула. — Роди, ты все не так понял! Я никогда бы... это все он!

Дрожащий пальчик ткнул в сторону невозмутимого лорда Мак-Лайона.

— Это он меня сюда затащил! Я не виновата! Я не хотела...

— Я слышал, — процедил муж, с трудом беря себя в руки. — И видел, как ты ему под килт целилась, кошка блудливая!.. Не хотела она! Тьфу!

— Роди-и-и...

— Оправься, бесстыжая! — рявкнул лорд Чисхолм, с отвращением глядя на ревушую женушку. — И марш вниз! Дома с то-

бой поговорю... Быстро, я кому сказал?! На весь свет меня опозорила, дрянь этакая!

Леди Абигейл, заливаясь слезами и путаясь в многочисленных юбках, бросилась вон из Охотничьей залы. Ее супруг тяжело вздохнул:

— Перед Ларри стыдно — не пересказать. Он ведь, выходит, обо мне же беспокоился. А я и правда как ослеп на старости лет!

— Бросьте, сэр Родерик, — мягко улыбнулся Ивар. — Со всеми бывало. А уж целомудренных жен у нас при дворе по пальцам пересчитать можно.

— Это-то да, — печально кивнул тот. — Были у меня подозрения. Но что в гроб меня пихать раньше времени станут — такого предположить не мог. Благодарю вас, лорд Мак-Лайон. Глаза мне, ослу, открыли. Поеду. Перед братом повинюсь да на счет Абигейл крепко подумаю. Вы уж передайте его величеству мои извинения, что так срываюсь...

— Само собой, не беспокойтесь. — Ивар бросил взгляд на приоткрытые двери, в которых только что исчезла рискованная соблазнительница, и, поколебавшись, спросил: — Я надеюсь, вы не собираетесь карать супругу слишком уж радикально?

— Не повредило бы, — буркнул лорд Чисхолм. — Как вспомню — прямо с той же лестницы пинком под зад спустить хочется!

Он, не сдержавшись, плюнул себе под ноги, кивнул советнику и торопливо зашагал вслед за женой. Лорд Мак-Лайон проводил его взглядом.

— Кого-то сегодня ждет хорошая взбучка, — пробормотал лорд. — Эх, старики! Уж сколько им твердят — не женитесь на молоденьких, себе дороже. Так ведь нет — седина в бороду, бес в ребро, а потом самим на себя в зеркало смотреть противно...

— Жениться и родить — нельзя погодить, — хихикнули из-за портьеры.

Ивар, не оборачиваясь, покачал головой:

— Ну кто бы сомневался. Милая, раз уж мы пословицы вспомнили — что там было о любопытных кошках и прищемленных хвостах, а?

— Не помню, — вновь озорно хихикнула леди Мак-Лайон, выбираясь из своего укрытия. — Уф! Залу что, с осени не убирали? Только и молилась, чтоб не чихнуть... А что это ты довольный такой? Понравилась пылкость леди Чисхолм?

— Не смей меня. К тому же милейшая Абигейл мне всю колленку исцарапала.

— Зачем? — удивилась Нэрис, подходя к супругу. Бросила взгляд на пострадавшую часть тела, наморщила брови и, прозрев, возмущенно ахнула: — Так она... Вот же бессовестная!

— Не волнуйся, — хохотнул лорд, хлопнув ладонью по тяжелому споррану¹. — До самого ценного добраться ей так и не удалось!.. Черт бы побрал этот монарший приступ патриотизма. Чувствую себя дурак дураком, и каждая шустрая дамочка так и норовит руки распуścić.

— Теперь понимаешь, каково женщинам?

— Не понимаю, — упрямо отрезал он, одергивая помятый килт. — У вас юбки до полу. А тут нечаянный сквозняк, и...

— Милый, — Нэрис, сдерживая смех, привстала на цыпочки и утешительно чмокнула супруга в щеку, — поверь, уж тебе-то стыдиться нечего!

— Угу, — кисло отозвался несчастный советник, который килты на дух не переносил. — Ладно, пойдем. Отчитаюсь перед государем да на боковую. Завтра с утра выезжать. Или ты на танцы остаться хочешь?

— Не особенно. — Леди бросила взгляд на свое недавнее убежище. — Уже, должно быть, за полночь. И я так пыли надышалась, что теперь не до плясок... Кстати, Ивар, забыла спросить — с каких это пор глава Тайной службы разоблачением неверных жен занимается?

— С тех самых, как их мужья стали нужны короне. Клан Чисхолм в последние несколько лет очень выдвинулся. А сэр Родерик — его вождь. Целиком и полностью поддерживающий государя, что немаловажно. Сама понимаешь, такие верноподданнические чувства по нраву далеко не всем. Тем же Дагласам, к примеру. Леди Абигейл ведь вышла за лорда Чисхолма прошлой осенью?

— Ты хочешь сказать, что ее родня...

— Именно. Вождь Даглас, дед нынешней супруги сэра Родерика, возлагал на этот брак большие надежды: как раз вроде уже упомянутой лестницы. Абигейл хорошенькая дурочка, занятая только собственными удовольствиями. Использовать ее в своих целях — проще простого.

— Но если бы с ее мужем что-то случилось, то во главе клана встал бы его брат? — Нэрис пожала плечами. — Который леди Абигейл, как я поняла, сильно не любит. Дагласы ничего бы не выиграли!

— Отчего же? — краем губ усмехнулся лорд Мак-Лайон. — Во-первых, Ларри не разделяет восторгов вождя Чисхолма в отношении короля. Обратиться ко мне его заставило только опасе-

¹ Спорран — кожаная сумочка, часто декорированная мехом, бусинами или металлом, которую носили спереди на килте. Служил спорран как защитой самого уязвимого места, так и для хранения необходимого горцу в походах «стратегического запаса».

ние за братову жизнь и честь. А во-вторых, если бы мечты леди Абигейл стали явью, ее деверь первым делом выгнал бы «скорбящую вдову» вшаей из дому. Чем поставил бы себя в очень неловкое положение. Плюс, сама понимаешь, такой поступок — плевков в лицо Дагласам, который безнаказанным не остался бы. Нам только очередных клановых разборок не хватало.

— Худой мир лучше доброй войны? — подытожила Нэрис.

Ивар кивнул.

— Пойдем, — зевнув, сказал он. — Рассвет уже на носу... Вестей от родителей не было новых?

— Нет. — Она покачала головой. — Я так беспокоюсь за папу. Ведь с самой осени болеет, а в его-то годы?..

— Не расстраивайся заранее, котенок. — Муж ласково приобнял ее за плечи. — Завтра к вечеру будем в Файфе. А уж там вы с матушкой вдвоем за лэрда возьметесь. Хочет не хочет — на ноги встанет!

— Хорошо бы. — Нэрис грустно улыбнулась. И, вздохнув, добавила: — Я так соскучилась по мальчишкам. Надеюсь, что хоть с ними все в порядке.

— Вот уж на этот счет у меня сомнений нет, — заявил королевский советник, вспомнив шкодливые мордашки собственных отпрысков. — Голову даю на отсечение, эти сорванцы за месяц весь замок на уши поставили. И в кого они такие шустрые, понять не могу?

Нэрис фыркнула и небожно пихнула ехидного супруга локтем в бок. Камень, без сомнения, был в ее огород. «Вредина, — подумала она, направляясь в обнимку с мужем к выходу из Охотничьей залы. — Можно подумать, он к их рождению непричастен! Шустрые... А сам-то?» Она некстати вспомнила давешнюю возню на диване и привычно поморщилась. Бог с ней, с леди Абигейл — ей лорд Мак-Лайон авансы раздавал сознательно, из политических соображений, чтоб спровоцировать. Бог с ними, с амбициозными женами некоторых лордов, что пытаются добиться для супругов лучшей доли через постель первого советника его величества... «Но хоть меня бы постеснялись, кошки, — подумала Нэрис. — Совсем стыда не имеют, а еще леди!»

Она скорчила сердитую гримаску и буркнула себе под нос:

— В монастырь бы их всех. На перевоспитание!..

ГЛАВА 1

Тяжелая крытая повозка, расплескивая на обочины грязь, катилась по дороге. От мохнатых черных крупов двух ирландских тяжеловозов поднимался пар: ходкая рысь и совсем не зимняя погода разгорячили коней. Чего нельзя было сказать о лорде Мак-Лайоне, подпрыгивающем на жестком сиденье внутри повозки. Сырой холодный ветер проникал во все щели, пальцы ног совсем заledenели, а ведь еще ехать и ехать!.. Ивар стянул перчатки, подышал на руки и принялся с ожесточением растирать ладони. Он не любил зиму, а уж зиму шотландскую и того пуще. Три дня кряду мороз и снегопад, а потом извольте — внезапная оттепель, да еще и дождь в придачу. «Издевательство», — недовольно подумал лорд, бросив взгляд на закутанную с ног до головы в пледы жену. Нэрис, угревшись в своем шерстяном коконе, спала, как дитя. Слово «бессонница» леди Мак-Лайон было незнакомо. В отличие от ее супруга — и не в последнюю очередь благодаря стараниям государя Шотландии.

Вчерашний отчет его величеству затянулся аж до рассвета. Точнее, сам доклад много времени не занял, но сначала пришлось битых два часа выживать разгулявшегося правителя с пира, а потом, запершись в монаршей гостиной, пить за здоровье новорожденной принцессы. Дочь была долгожданной, так что отделаться от взбудораженного государя парой чаш и дружеским тостом не вышло... Нет, на сегодняшний день у Кеннета Мак-Альпина имелось двое сыновей, и вопрос о наследниках трона уже не стоял так остро, как пять лет назад, когда его величество чуть было не сделал принцем своего великовозрастного бастарда, решив и рыбку съесть, и о крючок не уколоться. С «крючком», слава богу, обошлось, но и «рыбка» оказалась зубастой щукой, так что предприимчивому правителю пришлось пойти наезженной дорожкой. После долгих споров, раздумий и мучительного выбора король Шотландии таки сочетался законным браком с девицей Маккиннон — представительницей одно-

го из септов¹ клана Мак-Альпин — и вскоре снова стал отцом. За первенцем, принцем Константином, ровно через год последовал принц Аэд, а еще через год, то есть буквально позавчера, на свет появилась Эйслин. Причем останавливаться на достигнутом счастливый отец вовсе не собирался. И планировал увеличить количество отпрысков едва ли не втрое — причем именно за счет будущих дочерей.

— Мальчишки, они что? — говорил его величество, наполняя кубки — в который раз, советник уже сбился со счета. — Если повезет — достойные преемники, а если нет? Частенько подросшим сыновьям отец на троне мешать начинает. То ли дело дочери! Да на них одних государства и строятся! Если с умом подойти, конечно. Я уж и женихов присматривать начал...

— Ваше величество, — расхохотался Ивар, — да ведь принцессе всего-то три дня от роду!

— Это пока что, — рассудительно ответил государь, поднося к губам золотую чашу. — А там обернуться не успеешь, как и годков поболее, и принцесс. Соседей у нас много, варианты неплохие имеются. Как раз время будет прикинуть да выбрать без лишней спешки... И не дергай бровями, не дергай! Взял привычку над королем потешаться. Твой тесть вот, между прочим, дочку очень выгодно замуж пристроил. Скажешь нет?

— Боюсь, что здесь мое мнение полностью объективным считаться не может, — заметил Ивар. — Кто больше выгоды получил — еще вопрос. Супруга моя, помнится, утверждала, что выиграл от нашего брака в основном я.

— Одно другому не мешает, — нашелся Мак-Альпин. — А кто у нас теперь первый поставщик королевского двора? Кто монополию на торговлю специями, считай, получил?.. Так что ты не ухмыляйся особенно. Лучше сам дочкой озаботься на всякий-який. Мало ли.

— Спасибо за совет, ваше величество, — пряча улыбку, лорд Мак-Лайон приложился к своему кубку. — Я подумаю. Хотя нам, если честно, и этих шалопаев хватает за глаза и за уши! Бедная госпожа Максвелл. Она так мечтала о внуках... Не представляю, что с ней будет, когда станет известно о нашем отъезде на север.

— Поедешь все-таки?

— Нельзя не поехать.

Лорд Мак-Лайон подавил тяжкий вздох. Он любил свою работу, какой бы она там ни была. И находил в ней, пожалуй, толь-

¹ С е п т — семейство, связанное с кланом по нескольким причинам: кровное родство, брак, поиск защиты от большего или более сильного соседского рода.

ко один минус — практически полное отсутствие отдыха. То одно, то другое, то расследования, то разъезды... А ведь порой хочется хоть на пару недель снять с себя многочисленные обязанности, забиться в тихий теплый угол и элементарно выспаться. Что он и намеревался сделать, благо с декабря по март жизнь в Лоулэнде замирала, все сидели по своим норам, и даже не слишком довольные властью личности, коих всегда и везде хватало, не напоминали о себе. К тому же ухудшение здоровья лэрда Максвелла требовало присутствия рядом единственной дочери — чем ее муж, замученный придворной жизнью, без зазрения совести и намеревался воспользоваться. Нет, к тестю Ивар относился с большим уважением и от души желал ему скорейшего выздоровления, но раз уж так все сложилось?.. Одним словом, лорд Мак-Лайон отпросился у государя на неделю, обрадовал жену скорой встречей с родными, а не далее как вчера получил из Файфа письмо, в котором лэрд просил об услуге. Не как советника просил, как сына — по причине хвори, мол, важная поездка срывается, из детей у него, Вильяма, только дочь, так не мог бы дорогой зять оказать старику любезность и... В общем, отец Нэрис своей просьбой спутал Ивару все планы и одним махом угробил мечты об отдыхе, в этот раз переплюнув даже самого короля Шотландии.

— Значит, к норманнам, — пробормотал его величество, откинувшись в кресле. — Не ближний свет. За неделю не обернешься.

— Боюсь, что и двух не хватит. Как же некстати-то, а!.. Еще и зима, как на грех. Премилая будет поездочка.

— А что делать? — Король философски пожал плечами. — Отпустить я тебя уже отпустил, а лэрд Вильям — человек достойный. И не так часто о чем-то просит. Кто там у северян женится-то?

— Эйнар. Помните его, ваше величество? Младшего сына конунга Олафа?

— Которого Длиннобородый тебе на свадьбу вместе с дружиной подарил? Дельный парень, помню, конечно. Передавай мои поздравления. Ну, и к дарам, думается, от меня надо будет что-нибудь присовокупить... Не хвост собачий, все-таки конунга сын! Сходи перед отъездом к казначею, выбери что-нибудь на свой вкус.

Ивар кивнул. Государь, от которого не укрылся пессимистичный настрой советника, прищурился:

— Не кисни. Один-то разок скататься можно. Или подвох какой чуешь с этой свадьбой?..

— И да, и нет, ваше величество, — подумав, отозвался лорд. — С одной стороны, Олаф Длиннобородый — друг моего

тестя. Он присутствовал на свадьбе его дочери, и само собой понятно, что без лэрда Вильяма на свадьбе Эйнара обойтись никак нельзя. Долг платежом красен. У северян свои понятия, знаете ли... Загвоздка в том, что меня-то туда не приглашали. Я говорю не только о самом конунге, для которого ваш покорный слуга — пустое место. Эйнар в этот раз даже Нэрис приветов не передал. И на свадьбу свою звать не стал ни ее, ни меня. Странно.

— Хм, — задумчиво обронил Кеннет. — И правда. Я так помню, жена твоя с этим норманном общий язык находила? Ивар, без обид, я ни на что не намекаю, просто...

— Бог с вами, ваше величество. — Лорд добродушно махнул рукой. — Какие обиды? Если честно, Нэрис и сама удивилась. Может, не такие уж они приятели закадычные, но подобное поведение не в духе Эйнара. Он ей был очень благодарен, что она тогда перед конунгом словечко за него замолвила и помогла к сэконунгу Асгейру в дружину попасть... Эйнар, конечно, давно уже свой корабль имеет и от Асгейра года три как ушел, но услуги не забыл. То через купцов северных поклон передаст, то сам заедет, то вон к рождению детей подарков навез — сундуки ставить некуда было! А тут на тебе — собственную женитьбу зажал, извиняюсь. И это при том, что его отец своего друга на свадьбу сына пригласил?

— Да уж, — поддакнул король, вновь наполняя кубки. — С этими норманнами никогда не знаешь, как будет. Сегодня — друзья неразлейвода, а завтра они у твоих стен в щиты мечами лупят. Ты же сам видел.

— Вы про тот их поход на Ирландию? Так там дружбой и не пахло. Сомневаюсь, что лэрду Вильяму что-то угрожает даже в случае... неявки, так сказать.

— Ему — да. А нам?

— Простите, сир, но мы-то с вами здесь каким боком?

— Таким, — помолчав, ответил Кеннет. — Поедет твой тесть на север, не поедет — ты прав, оно не важно. Конунг Олаф, хоть и норманн, да не дурачок обидчивый, поймет. А вот тебе в любом случае съездить стоит. И свадьба младшего сына Длиннобородого как нельзя кстати!

Ивар усмехнулся. «Теперь понятно, что это меня так легко к черту на кулички отпустили, — подумал он, — следовало бы догадаться. Чтоб я сдох! Они как сговорились все, честное слово!» С трудом подавив вспышку раздражения, лорд Мак-Лайон поднял голову:

— Мне казалось, что наша разведка и так прекрасно справляется. Вы же с этой целью меня так настойчиво в спину подталкиваете, ваше величество?

— Разведка, — Мак-Альпин досадливо поморщился. — Наши люди в Бергене и Ярене¹ — это совсем другой разговор. Не хочу приуменьшать их значение, но возможностей у рядового соглядатая сколько? То-то и оно. А уж так, чтобы к самому конунгу подобраться... Ты вспомни прошлогодний провал!

— Согласен, — невесело улыбнулся Ивар. — Лесли спасло только чудо. И нас тоже в общем-то. Такой скандал, в свете моих же родственных связей, мог выйти боком. Вовремя мы парня отозвали.

— Отозвать-то отозвали, — посетовал государь. — А заменить никем не смогли. И вряд ли сможем — северяне к себе в дом чужаков не допускают.

— Поэтому мне туда — прямая дорога? Не лишено логики...

Лорд, задумчиво скользя пальцами по ободку чаши, бросил взгляд в окно, за которым уже занимался рассвет, и сказал:

— Не думайте, что я не разделяю вашего беспокойства, сир. Сам читал последние донесения разведки. Норманнская экспансия набирает обороты: все побережье от Эльбы до Гибралтара стонет от их набегов. Арабский халифат в Испании достаточно силен, чтоб дать отпор гостям, а вот нашим ближайшим соседям приходится непросто. Англичане, я уверен, отобьются — хотя бы за счет того же флота, да и опыт прошлых лет уже будет ими учтен. А вот, к примеру, Ирландии недолго осталось.

— Думаешь, подомнут все-таки?

— Насчет полного подчинения не уверен, но попытки будут, и более чем серьезные. Дублин уже почти полностью норманнский. Оркнейские острова и остров Мэн — тоже. Зеленый Эрин², с его отсутствием централизованной власти, обречен. Можно, конечно, понадеяться на чудо — что найдется в Ирландии вождь, за которым все остальные пойдут единым фронтом, но увы. Чудеса редки, а такого объединителя я пока что не вижу.

— Если бы северная ветвь О'Нейллов объединилась с южной...

— Вы сами-то в это верите, ваше величество? — саркастически протянул советник. — Да скорее весь клан ляжет в междоусобице! Нет, если кто и спасет Ирландию, то это, мнится мне, будет человек совсем другого сорта. Знать бы, кто он и когда придет?

— М-да, — неопределенно отозвался Мак-Альпин. — Толку от этих рассуждений? Сейчас себя бы обезопасить. Не идти же по стопам Карла, честное слово! Да и Эйслин мала еще.

¹ Берген и Ярен — крупнейшие города Норвегии эпохи Средневековья. Берген был торговым центром скандинавского Севера, Ярен — центром экономическим и военным.

² Еще одно неофициальное название Ирландии.

Лорд Мак-Лайон не ответил. В общем-то он, конечно, был с королем согласен: отдать норманнам часть своей территории во избежание разорения ими же остальной страны? Рискованная затея! Одно дело — Карл Третий, который пошел на этот шаг просто от безысходности, и совсем другое — пока еще более или менее уцелевшая Шотландия. Францию норманны драли, как стая лис жирную индюшку. Богатая и бессильная, она сама накликала беду на свою голову. И немало этому поспособствовали сами французские бароны, нанимавшие норманнов для войн друг с другом. Вот и доигрались... И Карл, несмотря на прозвище Простоватый, в нелегкий час принял единственно верное решение: когда на его земли пришел Хрольв Пешеход, очередной вождь норманнов, и принялся планомерно опустошать французские провинции, король предложил ему уладить дело миром. Он отдал Пешеходу в жены свою дочь и уступил во владение земли Руана — само собой, в обмен на вассальную клятву. Хрольв долго не думал: он принял щедрое предложение, стал правителем герцогства Нормандия и ныне под именем Роллона (на франкский манер) успешно отправлял ретивых соотечественников восвосяи, стоило им только сунуть нос дальше побережья. Так что Франции, можно сказать, повезло.

Другой вопрос — повезет ли Шотландии?

Ивар покачал головой и сделал глоток виски, даже не чувствуя вкуса. Вопрос-то насущный, но ответ на него, тут государь совершенно прав, можно найти только на севере. Более того — нужно найти. «Свадьба так свадьба, — единым духом опорожнив свою чашу, решил советник. — Хоть над легендой голову не придется ломать. И тестя уважу, и конунга не обижу, и его величество успокою... А отдохну, как всегда, на том свете. Дал же бог службу и родственникам!»

— Что, совсем припекло? — крикнул Кеннет, заметив мелькнувшую в глазах воспитанника вселенскую тоску. И, сжалившись, предложил: — Ну, хочешь, я лэрду отпишу, что несподручно тебе сейчас по городам и весям мотаться? Уж переживет как-нибудь Длиннобородый. Да и мы, ежели припрет, найдем, кого отрядить.

Ивар благодарно улыбнулся, оценив дружеское участие. Но все же, помедлив, коротко мотнул головой:

— Забудьте, ваше величество. Я поеду. Поедем, точнее — Нэрис в любом случае отправится со мной. Она приглашенному хотя бы дочь.

— Для отвода глаз повезешь, значит, — ехидно заметил государь. — Ну-ну. Королю-то своему в глаза не ври! Удивляюсь я тебе, Ивар. Неужели собственную жену за столько-то лет уму-

разуму научить не сподобился? Ты знаешь, я к леди Мак-Лайон со всей душой, но свою бы давно за косы оттаскал, ей-богу!

— Порой очень хочется, — признался советник. — Думал, родит — успокоится. Ага, держи карман шире: не успела детей от доброты душевной... Ну, значит, терпи. Жена-то хорошая, на тебя не надышится, опять же. Могло и хуже быть.

— Кхм, — подумав, Мак-Альпин согласно кивнул. — Твоя правда. Эта ведь и королю на шею влезет! И главное, все ж от доброты душевной... Ну, значит, терпи. Жена-то хорошая, на тебя не надышится, опять же. Могло и хуже быть.

— Да уж. Попалась бы вот такая леди Абигейл — мне б небо с овчинку показалось!..

Они рассмеялись. Ивар разлил по чашам остатки виски:

— Я сообщу вам, сир, когда отправимся. И будем надеяться, что конунг Олаф меня прямо с причала обратно не завернет.

— Тебя-то? — выгнул брови дугой правитель Шотландии. — На комплименты не набивайся. Тебя в свое время даже из серала¹ его законный владелец выгнать не смог!

— Так я же по делу...

— Так он-то не знал!

Повозку тряхнуло на ухабе. Ностальгическая полуулыбка, игравшая на лице королевского советника, медленно угасла: приятные воспоминания о давней миссии в Сирии вновь уступили место делам насущным. Север... Еще и зимой. Везет как утопленнику.

Он бросил взгляд на безмятежно посапывающую супругу. О том, что на свадьбу Эйнара поедет не лэрд Вильям, а они двое, Ивар пока что жене не говорил. Для начала следовало обсудить с тестем все детали, в конце концов, приглашали-то его. «И Олаф Длиннобородый явно не обрадуется, когда вместо старого приятеля к нему в дом явлюсь я. Учитывая тот факт, что моя служба ни для кого не секрет, а вариант с инкогнито тут не пройдет... А, ладно! Где наша не пропадала? Тем более каких-то совсем уж решительных действий от меня не требуется. Поздравим молодоженов, как подobaет, отгуляем недельку на пиру, уясним планы норманнов относительно Шотландии — и назад. Бывали задачки посложнее». Лорд снова подышал на озябшие руки и задумчиво наморщил брови: раз ни о какой поездке инкогнито не может быть и речи, следует подумать, кого взять с собой помимо Нэрис. Творимир — это понятно, оно даже не обсуждается. И Ульфа непременно: во-первых, он уже давно не был на роди-

¹ Сераль — в странах Востока дворец султана или вообще мусульманского правителя, а также женская половина такого дворца, гарем. В данном случае имеется в виду второе.

не, а во-вторых, за шустрой леди Мак-Лайон в любом месте нужен глаз да глаз. Пока что норманн справлялся вполне себе сносно... Кого еще? Весь отряд тащить за море не с руки, да и лишние подозрения тоже ни к чему, но охрана необходима, это факт. Свадьба не свадьба, а государь-то прав — с этими северянами никогда не знаешь, как дело повернется. Пара-тройка крепких парней за спиной уж всяко не помешает. Только желательно проверенных. Королевский советник выбил дробь по заиндевелой стенке повозки. Из проверенных у него было только четверо: Робин, старый друг и бывший начальник гарнизона во Фрейхе, уже два года как пристроенный Иваром на должность главы охраны государя; упомянутый ранее Лесли, один из сыновей лорда Гамильтона, сметливый парень, на которого глава Тайной службы возлагал большие надежды и которого рассматривал как весьма перспективного преемника в будущем... и братья Мак-Тавиши.

Робина со службы не выдернешь. Он там нужнее. Лесли тоже брать с собой нельзя — вряд ли Длиннобородый успел его забыть. Значит, остаются только Мэт с Марти. «Час от часу не легче», — подумал лорд, вспомнив о непутевых близнецах. Да, они служат с ним бок о бок уже почти пятнадцать лет. Да, бойцы что надо. Да, в верности их сомневаться не приходится. Но это же Мак-Тавиши! То есть, другими словами, ходячая неприятность, помноженная на два. Скандалисты, выпивохи и, самое главное, плюющиеся от одного только слова «норманн». На Ульфа это уже давно не распространяется — старый вояка сумел заставить себя уважать. Но вряд ли подданным Олафа Длиннобородого подобное уважение обломится. И там-то с этими обалдуями никто рассусоливать не станет. В лучшем случае до смерти не убьют. Лорд снова вздохнул и покачал головой. Брать с собой Мэта и Марти было не лучшей идеей. В первую очередь для них же самих. Но если посмотреть с другой стороны — предприятие и без того вырисовывалось сомнительное.

— Черт с ним, — утомленно буркнул королевский советник. — Глядишь, Мак-Тавиши со своим раздолбайством все внимание на себя и перетянут. А мы под это дело обстановку разнюхаем.

— Мм? — Нэрис сонно заворочалась на сиденье и приоткрыла глаза. — Ты что-то спросил, дорогой?..

— Тебе почудилось. — Муж заботливо поправил на ней плед. — Спи, спи. Ехать еще долго.

— Угу...

Она зевнула и, вновь приткнувшись к нему под бок, смежила веки. Ивар улыбнулся — спящая жена всегда напоминала ему свернувшегося клубочком котенка. Маленького, смешного и

беззащитного. И не важно, что они уж почти семь лет как жены-ты, не важно, что она взрослая женщина и мать двоих сыновей. Для него она была и осталась той испуганной, но решительной девчушкой, которая когда-то тащила его к дверям церкви, опасаясь гнева матушки за недозволенный невесте цвет платья. Советник, вспомнив утро своей свадьбы, тихо фыркнул. Да, его супруга была не подарок — слишком шустрая, не в меру любопытная, порой непозволительно беспечно относящаяся к себе и общественному мнению... но именно это ему в ней и нравилось.

Когда повозка, натужно скрипя колесами, въехала наконец в ворота замка Максвеллов, был уже поздний вечер. Несмотря на такое время, никто не спал — лорд Мак-Лайон предупредил родных заблаговременно. Не успел возница осадить лошадей, не успела Нэрис выбраться из опостылевшего возка, а тяжелые дубовые двери отчего дома уже распахнулись и неподвижный морозный воздух, точно льдинку, расколело звонкое:

— Бабушка! Бабушка, они приехали!

— Бабушка, ну скорее же!.. Что ты так долго?!

Леди Мак-Лайон улыбнулась в воротник плаща. И, раскинув руки в стороны, заключила в объятия две метнувшиеся от крыльца фигурки в расстегнутых курточках. Блестящие серые глазенки, покрасневшие от холода щеки, теплые вихрастые макушки... Господи, как же она по ним скучала!

— Мама, мама! А вы насовсем теперь приехали, правда?

— А где папа?

— А можно мы сегодня совсем не будем ложиться?..

— Мама, мы нашли вороненка! Он вот такой маленький и совсем не умеет летать... Ты разрешишь его оставить?

— Папа, ты привез нам что-нибудь из Стерлинга? Ты обещал!

— Ну, тихо, тихо, — отозвался позади голос Ивара. — Раскричались, галчата. Сейчас весь Файф перебудите. Милая, ты их насмерть зацелуешь. Идите в дом, здесь холодно. О... Мое почтение, госпожа Максвелл.

— Добрый вечер, лорд Мак-Лайон. — Лицо появившейся в дверях тещи было, как всегда, вежливо-бесстрастным, но во взгляде ясно читалось такое неимоверное облегчение, что Ивар с трудом подавил ухмылку. Ну, естественно. Заездили шалопаи бабушку до полусмерти. И если пару лет назад она еще заикалась насчет внучки и того, что, мол, «Бог троицу любит», то теперь ее, наверное, даже от мысли такой в жар бросает! «Дочку, ага, — весело подумал лорд, вспомнив совет государя. — Да случись такая катастрофа, несчастная бабушка с ума сойдет. Или, чего добро-

го, от дома нам откажет. И убей меня бог, если я на нее за это обижусь».

Махнув Творимиру, чтоб отвел лошадей на конюшню, Ивар подхватил на руки взвизгнувших сынишек и сделал строгое лицо:

— Ну что, хулиганы? Сами повинитесь или?..

— Или! Или! — весело загомонили сорванцы, с ходу включаясь в любимую игру.

Лорд окинул хитрые мордашки пристрастным взглядом, будто невзначай скользнул глазами по двору и сказал:

— Вилли опять ослушался бабушку, влез на яблоню и сломал ветку. А Кенни... нехорошо юному лорду имбирные пряники с кухни воровать. Вот я матери скажу, останетесь оба без сказки на ночь!

— Ну па-а-апа...

— Что — папа? — с наигранной суровостью поднял брови королевский советник. — Думаете, напроказили, да я не узнаю? Стыдно. Такие большие, а все балуетесь. Бабушку вон замучили совсем.

— Мы больше не будем, — подхалимски заулыбались мальчуганы, вертясь у отца на руках. — Мы не хотели... мы случайно, папа...

— Угу! — Ивар, смеясь, покосился на супругу. — Где-то я все это уже слышал.

— Пойдемте. — Нэрис, шутливо погрозив мужу пальцем, взбежала по ступенькам и порывисто обняла мать. — Я так по всем соскучилась! Как ты, мама? Прости, мы на тебя столько забот свалили...

— Глупости, — оттаяла госпожа Максвелл. И, спохватившись, добавила: — Да проходите же скорее! Холод такой. Ужин сейчас подадут... Кеннет! Вильям! Вы что же без шапок выскочили? Бегом в дом!

— Сейчас, бабушка! — хором откликнулись бесенята и, памятуя о своих прегрешениях, нехотя высвободились из рук Ивара. — Мы уже идем!.. Мама, мама, подожди! Пойдем на кухню, мы тебе вороненка покажем. И скажи Флоренс, чтоб она не ругалась, ладно?

— Хорошо, кого побольше в дом не притащили, — с улыбкой обронил королевский советник, наблюдая, как сорванцы, ухватив мать за руки, тянут ее в сторону кухни. Потом поднялся следом за женой к дверям, церемонно коснулся губами руки тещи и сказал:

— Рад видеть вас в добром здравии. Что там лэрд Вильям? Мы беспокоились.

— Идет на поправку, — благодарно кивнула та, входя вместе с зятем в полутемный холл. — Жаль, медленно. И года уже не те, и погода меняется каждые три часа, ему это тяжело. Ну да обойдется — к январю снег ляжет, так Вильяма хоть чуть-чуть отпустит. Ничего серьезного, не волнуйтесь.

— Дай-то бог...

— И еще, лорд Мак-Лайон. — Она, что-то вспомнив, обернулась. — Вильям просил вас зайти к нему, как приедете. Сам он, к сожалению, с постели пока не встает.

— Разумеется, — с готовностью отозвался Ивар, скидывая плащ. — Я немедленно поднимусь.

— Но как же ужин?..

Вопрос остался без ответа. Лорд, отвесив теще легкий поклон, уже взбегал вверх по лестнице.

Лэрд Вильям приподнялся на постели. Его осунувшееся морщинистое лицо осветилось неподдельной радостью.

— Наконец-то! Думал, не дождусь... Как добрались?

— Сносно, — улыбнулся в ответ Ивар. — Погода мерзейшая. Не зима, а черт знает что такое.

— Согласен, — прокряхтел тесть. — Который день все кости ноют. Жена на меня едва ли не кадушку притираний извела, а толку чуть. Да ты садись!

— Спасибо. — Лорд по старой привычке облокотился на теплую каминную полку. — За день насиделся уже. Жаль, что вы к ужину не спуститесь. Нэрис вся изволновалась. Ну да ладно, она к вам сама заглянет, как мальчишек спать уложит. Госпожа Максвелл сказала, что вы хотели меня видеть?

— Да. Письмо мое к тебе давешнее без ответа осталось, так я и... Понимаю, ты человек занятой! Да и сезон неподходящий для поездок-то. Ежели несподручно — так что ж? Ты говори как есть. Поедешь к Олафу, нет? А то ведь люди его уже неделю, считай, ответа ждут.

— И завтра же получат, — успокоил Ивар. — Причем положительный. Бог с вами, лэрд, разумеется, я съезжу. Его величество ничего против не имеет. Да и Нэрис будет интересно, думаю.

— Так ее, выходит, с собой возьмешь?

— Ну, — лорд Мак-Лайон развел руками, — других вариантов у нас нет. Лучше пусть под боком. Вы вспомните Ирландию! Ни словом ей не обмолвились, отослали подальше, а потом что? Только себе хуже сделали... Нет уж. В этот раз вместе поедем. Опять же Эйнар с Нэрис в куда более дружеских отношениях, чем со мной. — Он помолчал и не удержался, добавил: — Кстати,

Олаф Длиннобородый насчет сыновней женитьбы с вами никакими подробностями не делился, нет?

— Подробностями? Да какими же?.. Приглашение прислал через своих, как положено, и все. Он письма писать не большой охотник. Передал, что ждет, что здоров да семье кланяется. А про Эйнара, кроме свадьбы его, ничего я больше не слыхал. А что?

— Да так, — уклончиво обронил советник государя. — Частный интерес. Не обращайтесь внимания.

— Мальчиков-то здесь оставите?

— Само собой. Куда детей в такую даль тащить? Не знаю, правда, как эту весть супруга ваша воспримет. Она уж, поди, за месяц и так настрадалась?

— Ничего, потерпит, — лэрд Вильям захихикал. — Она ж в свое время дочери житья не давала — вынь ей внуков да положи! Ну вот пушай не плачется теперь. Хотя по мне, так славные ребятки. Шалопаи, понятно, да только кто ж в их лета не шалил? От меня, помнится, все домашние стонали...

Смех перешел в сиплое бульканье. Ивар встревоженно подался вперед:

— Все в порядке?

— Э! — отмахнулся, как от пустяка, лэрд, утирая губы. — Не смертельно. Прихворнул слегка, так что ж удивляться? Чай не мальчик.

Он помолчал, выравнивая дыхание, и жадно отхлебнул воды из стоявшего рядом ковшика. От былой веселости бойкого торговца не осталось и следа. Лорд Мак-Лайон, глядя на вытянувшееся восковое лицо тестя, забеспокоился уже всерьез. Он привык видеть лэрда Вильяма подтянутым, деловитым, громогласным, и этот немощный старик, заживо погребенный под кипой одеял, казался ему сейчас чужим человеком. Конечно, госпоже Максвелл виднее, но не лучше ли было прихватить с собой дворцового лекаря?

— Не смотри ты с таким-то ужасом, — сказал тесть, поймав на себе его красноречивый взгляд. — Оклемаюсь. В первый раз, что ли? Да и... не хворь меня точит, Ивар! Что кашель, что подагра? Полихорадит да отпустит. А вот с главным как быть?

— Простите?..

— Стар я, — тихо выдохнул лэрд, мутными от болезни глазами уставившись в темное окно. — И с каждым новым годом моложе не становлюсь. Болезнь-то что? К середине зимы, даст бог, в себя приду, а дальше? Снова осень, снова прихватит. Может, уже и покрепче. Был бы я фермер — так что ж? Сиди себе тихонько у камелька, вороши угли — за арендаторами и управляющий приглядит. А ежели он вдруг финтить начнет, всегда на суп-

ругу можно понадеяться, она-то спуску не даст. Но торговля? Тут у камина-то не рассидишься, самому ездить надо. Пусты все на самотек, дак в три лета прогоришь! Конкуренты со всех сторон зубы точат, поставщики три шкуры дерут, с моими же помощниками делятся, меня обирают... А что я могу? Ты же сам видишь! — Вильям горестно всплеснул руками. — Сил нет глядеть, как дело всей жизни под откос ползет!.. По миру-то мы не пойдем, конечно. Земли хорошие, арендаторы уважительные, кубышка к старости полна набилась. Да разве ж в деньгах счастье? Что они? Пыль! Просто обидно, ты пойми. Обидно! С пятнадцати лет крутился, шишки набивал, в тонкости вникал, состояние сколачивал, в Торговой гильдии место себе зубами выгрызал... Сколько семье тепла не додал, сколько друзей потерял, только и бился день и ночь, чтоб на ноги встать, в люди выбиться, отстоять свое и приумножить! Душу вложил всю без остатка — а теперь? Ты знаешь, Ивар, как я дочку люблю. Но, грешен, иной раз мыслишка подлая и проскользнет — ну отчего Господь мне сына не дал? Кому дело передам? Не Нэрис же! Она у меня умница, в торговле понимает, но ведь женщина, женщина, черт меня подери! Никто с ней дел иметь не станет, да и не справится она-то, тут хватка мужская нужна, зубы да когти. А внуки совсем еще несмышлениши. Даст бог, поскриплю еще лет десять, успею хоть азы им разъяснить, ежели захотят по моим стопам пойти. А если не успею? А если не захотят? Отец-то у них вон, при дворе, при положении — куда уж завидней доля-то... Эх!..

Ивар подавленно молчал. Такой всплеск эмоций со стороны тестя был ему внове, однако же... Что лэрду еще оставалось? Вся его торговая империя, его детище, его гордость трещит по швам. И самое печальное — он прав, заменить его некому. А неумолимое время течет рекой, годы дают о себе знать. Это, наверное, действительно страшно: собственными глазами видеть закат дела всей своей жизни и понимать, что изменить ты ничего не в силах. Человек не вечен. И плоды его трудов, увы, тоже.

— Поверьте, лэрд, — с трудом подбирая слова, начал королевский советник, — если бы я мог...

— Да брось. — Грустная улыбка мелькнула на лице тестя. Мелькнула и тут же погасла. — Я же все понимаю. Место твое у трона, а не в Торговой гильдии. Советник короля, глава Тайной службы, лорд — и в купцы? Смех! Ты уж прости меня, Ивар. Совсем я на старости лет рассиропился. Тяжело один на один-то с думами такими. Но тебе вот душу открыл — да вроде полегче стало чуточку! Спасибо, что выслушал. И что с Олафом выручил, век не забуду. Без того вокруг себя смотреть тошно, так еще и друга из-за пустяка огорчать?..

— Не волнуйтесь, — уверил Ивар. — Торговец из меня никакой — что есть, то есть, но уж с норманнами я как-нибудь управлюсь. А вы отдыхайте. Я еще загляну перед сном, вместе с Нэрис.

Больной кивнул и устало откинулся на подушки. Лорд Мак-Лайон, уже открыв дверь и шагнув через порог, обернулся.

— И не терзайтесь так, — успокаивающе добавил он. — Мысли о крахе только его ускоряют. А на злопыхателей из Торговой гильдии и нечестных на руку помощников мы управу найдем, можете не сомневаться. В конце концов, вот уж это точно по моей части!

ГЛАВА 2

— ...но храбрый рыцарь не стал убивать дракона. Он понял, что дракон был совсем не злой, просто очень-очень одинокий. И принцессу он похитил не для того, чтобы съесть...

— А зачем же, мама?

— Принцесса была добрая и совсем его не боялась. И еще она очень любила старинные легенды, а дракон знал их целую кучу. Он ведь был самым последним, самым старым драконом на земле! Он рассказывал, а принцесса слушала.

— Они подружились, да, мама?

— Конечно, дорогой. Как же иначе?.. И когда пришел рыцарь, он увидел, что принцесса и дракон сидят на обрыве и весело смеются. Рыцарь подумал-подумал, да и присоединился к ним. Дракон не стал его прогонять. И они все трое сидели рядышком и смотрели на закат, и никто никого не убил.

— А потом?

— А потом рыцарь попросил дракона отпустить принцессу домой. Ее там ждали родители — король с королевой. Ждали и очень беспокоились. И дракон ее отпустил. Рыцарь увез девушку в родной замок, и был большой праздник — все королевство радовалось, что принцесса вернулась. Храбрый рыцарь попросил у короля ее руки, они поженились и жили долго и счастливо...

— Мама! А как же дракон? Он снова остался совсем один?

— Ну что ты, милый, вовсе нет. Когда принцесса рассказала королю, что дракон вовсе не страшный, просто несчастный и одинокий, король сам поехал к его пещере. Они проговорили до рассвета, а когда взошло солнце, король вернулся в свой замок верхом на драконе. Сначала все очень испугались, ведь дракон был размером почти что с главную башню!.. Но король их успокоил. И сказал, что дракон очень добрый и мудрый. И что он пригласил его пожить в своем замке. Потому что у короля была

королева, у принцессы — рыцарь, а дракон был совсем один. Разве это правильно?

— Нет. Одному быть плохо...

— И он остался, да, мама?..

— Да, мои дорогие. Дракон остался в замке. Он охранял королевскую сокровищницу, вел умные беседы с королем, катал на своей спине принцессу и рыцаря, а по праздникам королева пекла для него целую корзину сладких булочек и кормила из собственных рук. И никто больше не был одинок, и все были счастливы...

— Угу, — с тихим смешком донеслось от порога детской. — Все, кроме соседей. Которые с тех пор, надо полагать, не смели даже плюнуть в сторону границы и очень сожалели, что этот дракон был самым последним на земле. Король-то, однако, не промах. И обороноспособность замка усилил, и благородством сверкнул от души!

— Ивар! — шикнула Нэрис, оборачиваясь. Но улыбку сдержать все-таки не сумела. — Вот вечно ты со своей политикой. Это же сказка.

— Прости, не утерпел, — широко ухмыльнулся муж, подходя к кровати. — Спят?

— Уже на «королевской сокровищнице» засопели, — Нэрис подоткнула одеяло вокруг свернувшихся калачиками спина к спине мальчишек, — час поздний. Они еще за ужином носом клевать начали. Ты поел?

Ивар кивнул. И, присев на кровать рядом с супругой, посмотрел на детей. Как же быстро летит время! Казалось бы, еще вчера он впервые переступил порог дома Максвеллов, ведя под руку свою невесту, а теперь уже их сыновьям пятый год пошел... Растут как на дрожжах. Всего-то, считай, месяц их не видел, а такое ощущение, что все шесть.

Двойняшки сладко причмокивали во сне. Ангелочки, ни дать ни взять!.. Зато как глазенки распахнут да пойдут хулиганить — тут только держись. Пусть и не близнецы, а уж что касается проказ, так один другому в изобретательности не уступит. «Все в мать», — подумал Ивар, забывая, что он тоже когда-то был ребенком. Причем далеко не самым спокойным — это могла подтвердить любая из придворных дам старшего поколения. Но все эти почтенные леди давным-давно нянчили правнуков и о былых шалостях тогда еще юного королевского воспитанника теперь мало что помнили. Чем лорд Мак-Лайон и пользовался, отпуская шпильки в адрес супруги. Впрочем, Нэрис не обижалась и возмущенно фыркала только для виду. Она, как и ее отец, считала, что детство на то и детство, чтобы ни в чем себе не отказывать. «Вот уж точно, — вздохнув про себя, подумал королевский

советник. — И что все так рвутся повзрослеть? Радости от этого никакой, одни долги да обязательства». Ивар ласково коснулся пальцами шишки на лбу Вилли, чмокнул Кенни в покрасневшую от медовых пряников щеку и с сожалением выпрямился:

— Пусть спят. Пойдем, котенок. Я обещал лэрду Вильяму, что мы зайдем перед сном.

— Как он?..

— Лучше, чем я думал, но хуже, чем хотелось бы. — Ивар встал и подал Нэрис руку. — Постарайся его не слишком утомлять. Час и правда поздний. А нам с тобой тоже есть о чем поговорить.

Узкий лаз, огибающий нижнюю гостиную замка Максвеллов и надежно скрытый дубовыми стенными панелями, был темным и пыльным. «Давненько я тут порядка не наводил, — подумал брауни, стряхивая с колпачка ошметки паутины. — Того и гляди вляпаешься во что-нибудь. Повыведу я этих крыс, вот ей-ей — повыведу всех до единой! Мало того что чуть не у хозяев из-под ног порскают, так еще и все ходы загадили». Он, едва слышно перестукивая коготками по стылому камню, перебежал от одной панели к другой. И деловито приложил острое ухо к шероховатому дереву. Нет, опять не та. За этой небось как раз буфет хозяйский... Домашний дух, помедлив, повернул назад. Голоса за стеной стали четче. «Ага!.. У камина сидят, стало быть. Совсем рядышком». Он снова прилип к панели ухом.

— Если хочешь, можешь остаться дома. — Голос лорда Мак-Лайона. — Ты и так по детям тоскуешь, а тут приехать не успели, как снова сундуки собирать надо. Да и госпожа Максвелл, боюсь, не обрадуется. Ты бы видела ее взгляд там, на крыльце! Чтоб я сдох — только воспитание ей не позволило броситься мне на шею и завопить: «Наконец-то!»

До брауни долетел знакомый смех:

— Ивар, ну перестань. Они же еще дети. И мама их очень любит. Конечно же она нас поймет.

— Значит, поедешь со мной?

— Разумеется. Жена должна следовать за мужем, куда бы он...

— Нэрис.

— А что? Нет, что?! Я и так тебя каждый раз провожаю, как в последний, и...

— Нэрис!

— Ну хорошо, хорошо... Мне хочется поехать. Я на севере ни разу не была, а там, говорят, столько удивительного! Все вокруг белое-белое, и снег никогда не сходит, и скалы небо закрывают.

А еще мне папа про фьорды рассказывал: говорил, такая красота, что раз увидев — до смерти не забудешь.

— Что правда, то правда. Дивный край. Пусть и холодный. Кстати, лето у них тоже есть, и снег тает во время положенное. Но сейчас все будет так, как тебе мечталось, — зима же. И знаешь, по мне, так лучше уж снег да холод, чем эта грязь с ветром и дождем! Брр. Дай-ка кочергу.

— Держи. И еще, Ивар... Я хотела спросить...

— Насчет поездки? — Звон кочерги о прутья решетки, шорох углей и вздох: — Да. Как всегда, придется совмещать. Не пугайся, мы конунга Олафа ни в чем не подозреваем. Так, общую расстановку сил прикинуть, ситуацию прояснить. Есть некоторые опасения.

— Его величество считает, что норманны могут обратить внимание на Шотландию?

— Не исключено. Но повторюсь — пока что поводов для беспокойства и подозрений нет. Налей мне еще чаю, пожалуйста...

Брауни, ахнув, всплеснул лапами — ну вот! Приехали, называется, погостить. Плащей снять не успели, и нате вам — снова здорово? А ведь зима на дворе, холод — в такую погоду хозяин собаку из дому не выгонит! «Если, конечно, хозяин этот — не король Шотландии, а собака — не гончей породы, — недовольно подумал он. — Что ж за напасть-то такая? Женихов было — полные закрома, так ведь нет, выбрали на свою голову... На север они собрались, снегами любоваться. А я опять трясись с утра до вечера?» Он вспомнил давнишние приключения четы Мак-Лайон в Ирландии, и шерсть на его спине встала дыбом.

— ...а что до норманнов — меня, если честно, сейчас больше другой вопрос занимает!

— Свадьба, да?

— Она самая. Вот чтоб мне пусто было — конунг чего-то недоговаривает. Стал бы Эйнар в молчанку играть? На нас с тобой ему обижаться не за что, и что лэрд Вильям среди гостей ожидается, он не может не знать. С их-то шепетильностью — и вдруг такое пренебрежение? Я уже сомневаться начинаю, не перепутал ли посылный имя жениха? У Длиннобородого ведь и другие сыновья имеются. Ну, то есть трое-то, мир их праху, еще в позапрошлом году из похода не вернулись, но...

— Остальные женаты, насколько я знаю. Да и не могли гонцы перепутать. Папа же ясно сказал — Эйнар. Младший. — Пауза, звон чашек. — Я вот теперь и сама задумалась. Ведь как ни посмотри, а не мог Эйнар нас не позвать. Ну никак не мог!

— Отчего же не позвал тогда?

Хранитель замка лэрда Максвелла страдальчески закатил глаза. «Да ясно дело, не до того парню сейчас, свадьбы — вещь

хлопотная, там и имя свое забудешь, не то что друзей. А эти заладили — почему, почему? Да потому! Как будто сами не женились!»

— Ивар, а Творимир с нами поедет, да?

— Разумеется. И он, и Ульф. Что такое, дорогая?

— А... это... чай горячий!..

— Угу. Как же. А то я слепой и не видел, как тебя при слове «Ульф» перекосило? Не морщись, не морщись, лиса любопытная. Вот как не надоело еще, честное слово?

— И вовсе я даже не... Ну, Ивар!

— Я уже сорок лет как Ивар. И тебя, прелесть моя, тоже не один год знаю. Поэтому можешь рожу мне не корчить, Тихоня отправится с нами — и точка.

— Ивар, ну зачем?! Мы же на праздник едем, и твоя служба...

— Моя служба, милая, вещь такая — никогда не знаешь, когда под дых врежет. А с твоими-то талантами? Нет уж, благодарю покорно! Без охраны ты больше и шагу от меня не сделаешь. Это не обсуждается, Нэрис.

Сердитое сопение, звон чайной ложечки о розетку с вареньем и неразборчивое бормотание.

— И нечего обзывать, — смешок. — Кто из нас «вредина» — еще подумать надо... Нэрис, это же норманны. От них можно всего ожидать. Даже принимая во внимание тот факт, что конунг Олаф с твоим отцом давние приятели. Поэтому, будь ты у меня хоть образцом послушной жены, Ульф бы все равно поехал с нами.

— Тебя послушать, так мы не на свадьбу собираемся, а на войну!

— Знаешь, — тяжкий вздох, — не хочу каркать, но я лично присутствовал на двух свадьбах, окончившихся черт знает чем. Да взять хоть нашу собственную. То-то было веселье, а?

— Ой, не напоминай...

— Вот и я о том же. Потому хватит гримасничать. Не то ведь, ей-богу, послушаю его величество да и оттаскаю тебя разок за косы!..

— Ивар!

— А что? Не помешало бы, кстати говоря.

«Вот тут как есть согласен, — подумал брауни. — Мало койкого в детстве по мягкому месту шлепали! Добро бы девчонка была, а то стыд сплошной: четвертый десяток вот-вот разменяет, матерью стала давно, а все скачет. И лезет в каждую щель носом любопытным. Что лорду в башку взбрело с собой ее тащить? Нешто не понимает, какой камень собственными руками на шею вешает?» Домашний дух неодобрительно покачал головой. Если непоседливость воспитанницы была его первой головной бо-

лю, то служба ее супруга — второй, но никак не меньшей по значимости. А уж эти дальние поездки! Хоть ту же Ирландию вспомнить — советника услали к черту на рога, его женушка тут же влипла в историю, а он, брауни, едва не поседел от макушки до пяток. И что? Хоть чему-нибудь эту парочку прошлое научило? Да ни капельки!

— Значит, нас четверо будет? Ивар, а можно я Бесси возьму?

— Бери, если Тихоня не против, все тебе веселей... Кстати говоря, я еще Мэта с Марти планировал взять.

— Мак-Тавишей? Ты с ума сошел? Они же еще по дороге с гонцами передерутся.

— Пускай попробуют только. Я Творимира уже предупредил. Хоть в чем проштрафятся — ссажу в шлюпку и домой отправлю. Причем не во Фрейх, а в деревню родную, им это хуже смерти. Так что ты насчет норманнов сильно не беспокойся. До кровопролития не дойдет, а пособачиться северяне тоже не дураки.

— Это точно, — тихий смех. — Когда сэконунг Асгейр в гости наезжает, так мама каждый раз за голову хватается! Папа, ты знаешь, хозяин хлебосольный, как выставит три бочонка, как упьются на радостях оба — и весь дом вверх дном. Сэконунг Асгейр мужчина вспльщивый, да и папа за словом в карман не полезет. Зацепятся из-за пустяка, и пошло-поехало. Потом-то всегда мирятся, конечно, но у мамы от одного имени «Асгейр» мигрень начинается!

— Да уж, представляю. Кстати, что-то давно сэконунг не появлялся. Жив ли?

— Жив. В походе дальнем. Обещал к весне возвратиться да в гости нагрянуть. Ивар, так мы прямо завтра отправимся?

— Не думаю. Мне бы выспаться хорошенько. Вещи собрать, с детьми пообщаться. И матушке твоей передышку дать надо, пусть и короткую...

Нэрис согласно вздохнула. Брауни в своем укрытии снова прижался ухом к стенной панели, но по другую ее сторону было тихо. Супруги молчали. Глухо позвякивали чашки, гудел огонь в камине — все это были привычные, милые сердцу звуки, но домашний дух вдруг почувствовал странное беспокойство. Оно холодным червячком шевельнулось в животе и поползло куда-то вверх, к самому сердцу. «Не езжали бы!» — внезапно подумал брауни, сам не зная отчего. И поежился. Частые отлучки неугомонного семейства Мак-Лайонов для него были не внове, да и север, если подумать, был не лучше и не хуже других краев. Но почему тогда так щемит в груди?.. «Остались бы дома, — снова подумал он. — Не лезли бы на рожон, остались бы!»

В гостиной скрипнуло кресло.

— Глаза закрываются, — нарушил тишину голос лорда. — Пойдем спать, котенок. Засиделись мы с тобой. А я так вообще вторые сутки на ногах.

— Бедненький, как же я забыла? Ты иди, ложись. Сейчас чашки в кухню отнесу и тоже приду.

— Да пусть их! Слуги уберут.

— Они все спят давно, а тут печенье, еще крысы набегут. Мама в доме беспорядка не терпит. Нам и так ее завтра просить... Иди, милый!

— Ладно, — королевский советник громко зевнул. — Камин в спальне растоплен?

— Да, я проверяла.

По ту сторону слышались удаляющиеся шаги. Хлопнула дверь. И мгновение спустя смеющийся голос Нэрис позвал:

— Вылезай! Сливки сейчас свернутся. Ну же! Я ведь знаю, это ты там шебуршишь.

— Все-то она примечает, — беззлобно буркнул брауни, надавливая лапой каменный выступ в стене. Дубовая панель с тихим скрипом подалась вперед. — Чего хихикаешь? Я чуть лапы о камень стылый не отморозил, а ей смешно.

— Так вылез бы сразу, — пожалала плечами леди Мак-Лайон. — Ивар был бы не против... Ой, ты же весь в паутине!

— Вижу. — Домашний дух встряхнулся. Выбил о колено пыльный колпачок, вновь водрузил его на макушку и вскарабкался в пустое кресло. — Давно тем лазом не ходил. А что до мужа твоего — я к нему уважение имею, но и порядок должен быть! Где это видано, чтобы брауни с людьми чай распивали?

— Со мной же пьешь.

— Так то ты. Ты, ежели рассудить, наособицу будешь... Сливки скисли.

— Разве? — огорчилась Нэрис, поднося к лицу кувшинчик. Понюхала, наморщила лоб и сказала неуверенно: — Да нет, вроде хорошие. Я же из ледника их взяла два часа назад, не могли так быстро испортиться!

Хранитель очага только плечами передернул. И, покосившись на корзинку с печеньем, отодвинул ее в сторону. Леди Мак-Лайон удивленно моргнула. Чтобы брауни — да угощением побрезговал? Вот уж чудо из чудес!.. Она повертела в руках кувшинчик. Сливки были свежие. И печенье мягкое, вкусное, мама сама готовила. «Так что же он нос воротит? — ничего не понимая, подумала Нэрис. — Ишь как брови насупил. Сердится, что ли? На меня? Так я же вроде ничего... Ах, вот в чем дело!»

Она склонила голову набок:

— Все слышал, да?

— Да, — угрюмо отозвался хранитель очага.

— Опять «занозой» ругаться будешь? Так ведь Ивар сам позвал, все честь по чести. И не злодеев ловить, а на праздник!

— Знаю.

— Так чего надулся тогда, как мышь на крупу?

— А того, что... не езжайте! Не езжайте, слышишь? — Брауни, смахнув корзинку на пол, вскочил на столик и вцепился коготками в рукав платья леди Мак-Лайон. — Нутром чую — не к добру эта затея. Пусть отец просил, пусть король велел, пусть!

— Дружочек, да мы же...

— Не езжайте, — как заведенный повторял домашний дух, — не ждут вас там! На беду свою северный король пир созывает — на свадьбу собирались, на тризну попадете! Бел снег на равнине, а под снегом-то камни...

Нэрис оторопело захлопала глазами. Она знала брауни с пеленок, знала и любила, но сейчас вид его мохнатой скрюченной фигурки в красных отблесках пламени заставил ее испуганно вжаться спиной в спинку кресла. Хранитель очага преобразился в одно мгновение: блестящие черные глазки, всегда такие живые и укоризненные, вдруг застыли и подернулись белесой пленкой, мягкие лапы железной хваткой сдавили запястье, а в знакомом надтреснутом голоске невесть откуда прорезались холодные стальные ноты.

— Не езжайте, — хрипел брауни, не сводя с воспитанницы полубезумного взгляда. — Беда будет! Я знаю, я вижу! Кровь вижу... много...

Домашний дух выпустил из когтей истерзанный кружевной манжет и, обхватив голову руками, затрясся всем телом. До ушей похолодевшей Нэрис донеслись тихие всхлипывания и несвязное бормотание:

— Ничего не смогу, бесталанный я! Не пустят... Только предупредить... Беда! Огонь! Оборотень... умрет оборотень! Рухнет трон! Корабли поверните, корабли!..

— Дружочек. — Придя в себя, леди Мак-Лайон вскочила с кресла и, подхватив бьющегося в припадке брауни на руки, прижала его к груди. — Дружочек, успокойся, пожалуйста! Ну что с тобой такое? Мы ведь и раньше уезжали... Ну миленький, хорошенький, не пугай ты меня так!

Хранитель очага дернулся и вдруг затих, тряпкой повиснув в ее руках. Черные глазки, все так же широко открытые и будто стеклянные, ничего не выражали. Нэрис бросило в жар.

— Дружочек! — забормотала она, встряхивая мохнатое тельце. — Что с тобой?! Очнись! Ну очнись же! Пожалуйста!

Брауни ее не слышал. И не видел. Перед ним как в тумане мелькали странные зыбкие картины — размытые, неясные, но одна другой страшнее. Огромный длинный амбар, до самой

крыши охваченный огнем... Простоволосые растрепанные люди с мечами наголо... Распростертый на земле лорд Мак-Лайон... Ревущий бурый зверь с опаленной шкурой, терзающий чье-то горло... Вишневый снег... Длинная каменная кишка ушелья... Нэрис — с посиневшими губами, в порванном платье... И огромные серые ступени, теряющиеся где-то в вышине. Они выросли из ниоткуда, от них рябило в глазах, могильный холод их сковывал лапы, но в спину дышало что-то настолько жуткое, настолько древнее, что ни остановиться, ни обернуться было нельзя...

— Пф-ф-ф!

— У-у-уй!..

— Ну слава богу, — раздался сверху дрожащий голос. — Как же ты меня напугал!

Домашний дух затряс головой. В ушах все еще стоял затихающий вой метели, но жуткие видения исчезли, оставив после себя только блаженную темноту и горячие капли на мордочке. Брауни с опаской приоткрыл глаза. Увидел бледное лицо Нэрис, почувствовал тепло огня в камине. И, слабо улыбнувшись, просипел:

— Кипятком окатила, что ли?

— Чаем, — отозвалась воспитанница, осторожно опуская его в кресло. Потом с размаху плюхнулась в соседнее и прижала ладонь ко лбу. — Уф! Не делай так больше, ладно? До сих пор вот руки трясутся... Что это было?

Брауни вытер колпаком мокрую от чая мордочку и, помолчав, честно признался:

— Не знаю.

— Как так?

— Обыкновенно. Нашло чегой-то. Такое мерещилось — чуть со страху не помер! Главное, так натурально все. Кажется, руку протяни — дотронешься. — Его передернуло. Хранитель очага помолчал, хмуря кустистые брови, бросил на Нэрис сумрачный взгляд и, наконец, отрывисто велел: — Иди спать. Муж, поди, задался.

— Спать? — Она всплеснула руками. — Это после всего, что ты тут устроил?! Да я и глаз не сомкну!

— Дело твое. — Он спрыгнул на пол. — А только сей же секунд бегом в постель. Хватит полуночничать. Будешь завтра как репа вареная, а дети и так, почитай, без матери растут.

— Но как же...

— С тем, что видел, сам разберусь, — уже шагнув в темноту лаза, буркнул он. — И я не понял, и ты не поймешь, а среди наших стариков мудрецы подходящие имеются. Иди спать! До завтрашней ночи, глядишь, обернешься успею.

Нэрис открыла было рот, чтоб возразить, но брауни уже исчез. Стенная панель с тихим щелчком встала на место.

— Замечательно, — после паузы выдохнула леди Мак-Лайон, тупо глядя на язычки пламени в камине. — Устроил истерику, наговорил непонятного, едва до слез не довел — и вот вам пожалуйста... Хоть объяснил бы, что ли, чего так испугался? Огонь, корабли, трон... Ничего не поняла. Ровным счетом ничего!

Ивар услышал, как приоткрылась дверь спальни. Зашуршали юбки, глухо звякнул о каминную полку подсвечник. Скрипнула половица.

— Не осторожничай, — сказал он, открывая глаза. — Я не сплю.

— Почему? — Супруга, уже в одной рубашке, выпутывалась из складок лежащего у ног платья. — Бессонница? Может, капель?..

— Нет уж, спасибо. Тем более спать я хочу зверски. Что ты так долго? До кухни и обратно идти всего ничего.

— Да так... задумалась, засиделась...

— Угу. Значит, точно брауни. Слушай, он меня боится, что ли? Или обществом моим брезгует?

Нэрис, смущенно опустив глаза, задула свечу и юркнула под одеяло.

— Просто он считает, что это «не по правилам», — возвращаясь к прерванному разговору, сказала она. — Я ведь ему почти что как внучка родная, а ты... Брауни к людям долго привыкают.

— Насколько я помню, с Кэвендишами у него таких трудностей в свое время не возникло, — с прохладцей отозвался лорд. — Не нравлюсь я твоему ушастому приятелю, к бабке не ходи.

— Не ты, а служба твоя. Она, знаешь ли, много кому не нравится.

— Да, жаль, что ты не из числа этих здравомыслящих людей... Нэрис!

— А?

— Я спать хочу.

— Ну так и спи. Я свечу потушила и не храплю, кажется.

— Еще и фыркаем? Вот теперь мне совсем интересно стало. — Ивар привстал и, опершись локтем на подушку, велел: — Давай-ка рассказывай, милая! И не финти. Гостиная прямо под нашей спальней, и твои охи-вздохи я отсюда прекрасно слышал.

— Ну подумашь, чаем обожглась!

— Не смей меня, пожалуйста. Обожглась... Нэрис, я же не отстану. Ну?

— Ивар, правда... Ивар! Ивар, прекрати. Убери руки, мне же щекотно!.. Ай! Ты холодный как лягушка! Вот что за человек, право слово?.. Ай! Ну ладно, ладно! Хватит. Я расскажу...

— И стоило брыкаться? — Королевский советник удовлетворенно хмыкнул и оставил хихикающую жену в покое. — Так что у вас там стряслось? Кое-кто снова пытался наставить тебя на путь истинный?

— Не совсем, — медленно отозвалась Нэрис. И, глядя в темный потолок, поехала: — Ты бы это видел! Он сначала, знаешь, все просил никуда не ехать. Сказал, что нас не ждут, что конунг зря праздник затеял... А потом вдруг словно не в себе сделался. Как в припадке падучей¹ забился, только что пена изо рта не пошла. Хрипит, глаза неподвижные и бормочет, бормочет!..

— А что конкретно бормотал?

— Да я с перепугу всего несколько слов разобрала. Что-то про беду, про огонь, про корабли какие-то — совершенно ничего не поняла! А он объяснять не захотел. Велел спать идти, а сам убежал. Я так понимаю, с кем-то из своих советоваться.

— М-да, — после паузы протянул Ивар. — Хорошенькие новости. А раньше такие просветления с ним случались?

— Ни разу! — завершила Нэрис, вспомнив остановившийся взгляд домашнего духа. — И если ты на игру с его стороны намекаешь...

— Какие уж тут игры. Я ведь так понимаю, что после припадка твой приятель ехать тебя уже не отговаривал?

— Нет. Насупился да убежал. Ивар, ты думаешь?..

— О том же, о чем и ты, — хмуро обронил лорд Мак-Лайон. — Предсказания мрачные, Эйнарво молчание... Чтoб я сдох, если все это никак друг с другом не связано! Огонь, значит. Беда. И конунг зря все затеял? Любопытно. Больше брауни ничего не сказал, точно?

Нэрис закусила губу, тихо радуясь, что камин уже прогорел и в темноте муж не видит ее лица. В мозгу всплыло отрывистое: «Оборотень... умрет оборотень!» Конечно, домашний дух мог иметь в виду кого угодно — мало ли на свете перевертышей? Но что, если... «Ох, нет! — внутренне вся сжимаясь, подумала она. — Только не Творимир! Да что ж я за клуша такая?! Надо было не ахать да голосить, а брауни к стенке прижать и выведать — что же он там увидел? Кого увидел? И только ли оборотня?»

— Нэрис?

Встревоженный голос мужа заставил ее прийти в себя. Нэрис встряхнулась, отогнав тревогу, и сказала виновато:

¹ Падучая (падучая болезнь) — так в то время называли эпилепсию.

— Извини, милый. Я... я просто пыталась вспомнить еще что-нибудь.

— Вспомнила?

— Нет. Но брауни сказал, что постарается до завтрашней ночи обернуться. Стало быть, мы с ним еще увидимся. И уж тогда-то я его потрясу! Нагнал страху, хоть правда теперь никуда не езжай.

Ивар задумчиво молчал. Правильно истолковав наступившую тишину в спальне, леди Мак-Лайон подпрыгнула на перине:

— И даже не мечтай «забыть» меня дома! Я еду с тобой!

— Нэрис...

— Нет, нет и нет! — Она лихорадочно замотала головой. — Хоть свяжи и на три замка запрю! Ты что же думаешь — после таких-то пророчеств я одного тебя на север отпущу? А сама буду у окошка сидеть и ждать, пока меня...

— ...не оставят вдовой? — закончил за нее посмеивающийся супруг. И, притянув нахолившуюся жену к себе, зарылся лицом в ее волосы. — Тсс. Не сопи, еж ты мой воинственный. Черт с ними, с этими дурными предзнаменованиями — не в первый раз!.. Поедем вместе. В крайнем случае будет как в твоих любимых сказках: «Жили они долго и счастливо и умерли в один день».

— Ивар, тьфу на тебя!

— Ну а что? — Он ухмыльнулся и пожал плечами. — Раз уж такие горизонты замаячили, надо предусмотреть любое развитие событий! Ну-ну, тихо. Я же пошутил.

— Я знаю, — шепнула Нэрис. И, уткнувшись носом ему в плечо, закрыла глаза.

В занавешенные тяжелыми портьерами окна стучался холодный дождь, ветер голодным псом завывал в каминных трубах. Обычно в такую погоду спится слаще, но сейчас сон не шел. Прижавшись к теплому боку мужа, Нэрис лежала и думала. О предстоящей поездке, об Эйнаре и о том, что сказал брауни. «На свадьбу собирались, на тризну попадете», — ничего себе напутствие. А на чью тризну, интересно? Леди Мак-Лайон свела брови на переносице: «Ну, попадись ты мне завтра, дружок! Прилипну как смола и не отстану, пока все не разъяснишь! Поехать-то мы все равно поедем, так уж, коль от судьбы не уйдешь, хоть знать будем, к чему готовиться... Ну что за оказия? Сколько лет был брауни как брауни, котлы чистил, за домом смотрел, над ухом брюзжал, а тут вдруг — бац! — и на пустом месте переключило! Лучше б уж молчал, ей-богу. Или бранился, как обычно. Сговорились они все, что ли? У одного приличия, у

второго политика, у третьего «прозрение», а последствия разгребать, получается, опять нам?..»

Она, скорчив сердитую гримасу, натянула на плечо край одеяла. И, уже засыпая, вдруг вспомнила последнюю фразу домашнего духа: «Рухнет трон! Корабли поверните, корабли!» При чем тут корабли? Куда их поворачивать? Зачем?

И какой трон должен рухнуть?.. Уж не шотландский ли?

ГЛАВА 3

На другой день выпал снег. Грянувший ночью мороз стянул ледяной коркой лужи, и они, щедро присыпанные мягким белым пухом, стали совсем незаметны глазу. Юные лорды с радостным визгом носились по двору, швыряясь друг в дружку снежками и норовя сунуться под ноги челяди, которой и без того приходилось несладко: не проходило и получаса, чтоб со двора не долетали грохот и проклятия. Молодым господам веселье, а слугам в такой гололед сплошные несчастья! Младшая кухарка, поскользнувшись, ушибла спину, горничная потянула лодыжку, опрокинула ведра с водой — и на благополучно застывшей луже, бранясь последними словами, кувыркались все обитатели замка, от лорда Мак-Лайона до братьев Мак-Тавишей. Последние возмущались столь громко и витиевато, что супруга лэрда Вильяма, не стерпев, пожаловалась зятю. Ивар, с утра пребывающий в пасмурном настроении, которое недавнее падение ничуть не улучшило, напинал обоим — и теперь ругатели, обиженные на весь свет, чистили дорожки от снега и посыпали их песком из кадушки. Вилли с Кенни активно им в этом мешали...

Нэрис, улыбнувшись, отошла от окна и снова уселась за стол. Пока муж занимался приготовлениями к отъезду, она разбирала накопившиеся за месяц письма. Присылали их сюда, в Файф — в Стерлинге хватало любопытных... Так. Это счета от портных, это из Фрейха, отчет управляющего, эти четыре — от арендаторов. А вот это, последнее, из Англии. «Грейс, — подумала леди Мак-Лайон, увидев знакомую печать. — Давно ее слышно не было, едва ли не с октября!»

С Грейс Кэвендиш, урожденной Гордон, Нэрис связывали самые теплые отношения. И пускай их дружба началась в свое время не лучшим образом, зато в последние несколько лет обе женщины по-настоящему сблизились. Ивар, посмеиваясь, называл их переписку «эпистолярным романом», а про себя искренне удивлялся — что настолько разные люди могли найти друг в дружке?.. Но тут всезнающий глава Тайной службы сильно ошибался: у Нэрис и Грейс было гораздо больше общего, чем

кто-либо мог себе представить. Они обе были женщинами образованными, чуждыми предрассудков, обе шитью и домашним хлопотам предпочитали хорошую книгу, и у обеих никогда раньше не было подруг: у Грейс — из-за ее ослепительной красоты (не имей сто золотых, а имей страшенькую подружку), у Нэрис — из-за происхождения (для аристократки недостаточно знатна, для плебейки — возмутительно богата). И не важно, что леди Кэвендиш давно счастлива в браке с любимым мужем и ей даром не нужны чужие. Не важно, что супруг леди Мак-Лайон — второй человек в государстве. В глазах дамского общества одна так и осталась «смазливой вертихвосткой», а вторая — «безродной выскочкой»... Одним словом, как обронил как-то адмирал Кэвендиш, они нашли друг друга!

Нэрис терпеть не могла писать письма. Но для Грейс она всегда делала исключение. И сейчас, отодвинув прочие бумаги в сторону, с удовольствием взялась за перо, предвкушая обстоятельную, пусть и одностороннюю беседу. Рассказав последние новости Лоуланда и в красках описав вчерашний конфуз распущенной леди Чисхолм, Нэрис уже приступила было к описанию грядущей поездки и связанных с нею собственных опасений, как дверь гостиной распахнулась. В комнату ворвался вихрь свежего морозного воздуха и знакомый запыхавшийся голосок:

— Госпожа!.. Ну слава богу, а то уж боялась, не поспею.

— Бесс! — Леди Мак-Лайон, вспыхнув от радости, вскочила со стула. — Сама пришла? Как же славно! А я хотела за тобой после обеда послать...

Женщины, смеясь, обнялись. Беатрис, верная горничная леди Мак-Лайон, уже давно у нее не служила. Еще пять лет назад, по возвращении из Ирландии, Ульф на правах законного супруга настоял. Не разжалобили его ни слезы, ни посулы, ни даже личная просьба науськанного женой королевского советника. Тихоня, как истинный норманн, уперся рогом и заявил, что слушать ничего не желает: человек он обеспеченный, Бесс и так в шелке ходит да как сыр в масле катается, работать ей незачем. А уж у такой хозяйки, у которой семь пятниц на неделе и все — последние? Нет, нет и еще раз нет!.. «Я против леди Мак-Лайон ничего не имею, — со своей обычной прямоотой сказал Ивару Тихоня, — и Бесс на привязь не сажаю — пушай выдаются. Привыкши они друг к дружке-то, как не понять? Да только горничных в Шотландии полным-полно, а жена у меня одна! Влезет куда следом за вашей, и что мне тогда делать прикажете?»

Лорд Мак-Лайон с ответом не нашелся. Он, по совести, и своей бы запретил соваться куда не следует, но... В общем, желание Тихони было удовлетворено, а Бесс, смирившись, осела дома. И, как ни любила она свою госпожу, такая жизнь вскоре

пришлась девушке очень по вкусу. Тихоня на радостях отгрохал в соседней деревушке настоящие хоромы, нанял женушке помощницу по хозяйству, не муж — золото!.. Даже Нэрис, которая целый месяц дулась на несговорчивого норманна, в конце концов сменила гнев на милость. Что уж тут поделаешь? Бесси довольна — и ладно. Нельзя думать только о себе. К тому же у молодых скоро пошли дети — по одному в год, и верной горничной сделалось уже совсем не до хозяйки. Нет, они, конечно, виделись. Но когда у тебя дома семеро по лавкам, в гостях особо не рассидишься.

«Жаль, — в который раз подумала леди Мак-Лайон, любуясь круглым, раскрасневшимся от мороза лицом своей бывшей горничной. — Кэт Бесси и в подметки не годится. Платья хорошо шнурует и реветь по каждому пустяку перестала, слава богу, а все ж не то!.. Замужество, увы, не все меняет в лучшую сторону». Она окинула взглядом располневшую фигуру Бесс и вздернула брови:

— Да ты никак опять ребенка ждешь? Ну, Ульф! Совсем жене отдохнуть не дает. Это он тебе рассказал, что мы приехали?

— Точно так, госпожа. — Бесси расплылась в широкой улыбке. — Еще ночью примчался, весь взбудораженный, и давай одежду теплую в торбу пихать без разбору! Насилу добилась от него, чего стряслось. Ну и, конечно, как утро — скорей сюда... В прошлый раз всего денек погостили, нынче надолго не задержитесь, так хоть повидаться!

— Повидаться? — Нэрис недоуменно наморщила лоб и, спохватившись, потащила гостью к камину. — Да ты садись скорее! Согревайся, вон аж на ресницах иней.

— Ох, спасибочки, госпожа. — Бесс скинула шаль и опустилась в креслице. — До чего на улице холодно — ажно воздух звенит. И как вы в такую-то пору ехать собрались?

— Надо... — Леди Мак-Лайон пожала плечами и с беспокойством повторила: — Так Ульф тебе ничего не сказал, что ли? Забыл?

— Это вы об том, чтоб с вами поехать? Сказывал, вестимо. Тока вот... Вы ж не подумайте, госпожа, я за вами — куда укажете, пусть и не служу уж сколько. Но муж...

— Не пустил, да?

— Пустит он, как же! — в сердцах всплеснула руками горничная. — Даром что просьбу вашу передал, а соглашаться как есть не велел, филин эдакий! Я и словечка сказать не успела, как он уж брови супить принялся да кулаком по столу стучать. «Не пу-шу» — и точка!

— Кулаком? Это Тихоня-то?!

— И не говорите, госпожа, сама по сю пору в изумлении... Вы ж знаете, он у меня покладистый, чтоб ругань какая или там что — ни-ни! А тут как с цепи сорвался, вот те крест. Пошел бужевать — я прям диву далась, да и только!

— Ну надо же, — озадаченно пробормотала Нэрис. — С чего бы вдруг? Может, Ивар ему что сболтнул? Хотя нет, насчет поездки Тихоне еще вечером сказали, а с брауни припадок ночью приключился... Ничего не понимаю! Белены они все объелись, что ли?

— Вы это о чем, госпожа?

— А? Да так, не обращай внимания. — Леди Мак-Лайон, оставив загадки на потом, перевела взгляд на едва заметно округлившийся живот Бесси. — Экие вы настойчивые! Что, пяти девчонок вам мало?

— Так то и дело, что девчонок, — вздохнула горничная. — А Ульф сына хочет. Оно и понятно, мужчинам только и подай сыновей, да разве ж от судьбы убежишь? Наши бабы деревенские говорят — сызнова девочка будет.

— Ну, может, в этот раз повезет, ошибутся?

— Пять-то раз не ошиблись... Да я ж не против, госпожа, нас у мамки восемь человек, нешто я не сдюжу? Дом, слава богу, чаша полная, лорд Мак-Лайон жалованье Ульфу хорошее положил, грех жаловаться. Хоть цельный отряд рожай, ей-богу! Но ведь ежели опять девка родится, мой, чую, и вовсе духом упадет.

— Ничего, переживет как-нибудь, — фыркнула Нэрис, тихо порадовавшись, что у нее двое сыновей, и Ивару этого вполне достаточно. Дети — счастье, кто же спорит. Но каждую весну встречать беременной? Это уже сродни героизму!

— А чего он так завелся, спрашивается? — говорила между тем Бесси, грея озябшие руки возле каминной решетки. — Ведь сам же едет! Глядите, какой — супруге лорда, значится, не зазорно, а мне и шагу с крыльца не ступи? Завел порядки. Кабы завтра не прощаться — уж задала б я ему перцу, помяните мое слово!

— Не сердись, — улыбнулась леди. — Он, наверное, о ребенке беспокоится. Знать бы, так и я не заикалась бы даже. Вот не любишь ты письма писать!

— А сами-то?..

Они переглянулись и рассмеялись. Бесс, снова придя в хорошее расположение духа, оглянулась на дверь гостиной:

— Деток-то с маменькой оставите?

— Да. И не хихикай! Мама, конечно, когда о внуках просила, сил не рассчитала, но без нее мы б совсем пропали. При дворе с детьми тяжело, а нянькам со стороны Ивар не доверяет. Да еще эти разъезды постоянные.

— Ваша правда, — поддакнула горничная. И после паузы добавила: — А нынче уж и вовсе не до семейных поездок. Зима на дворе, добираться долго, да и там еще неизвестно что...

— В каком смысле?

— Ну, как! Свадьба-то эта, будь она неладна!..

Нэрис захопала глазами:

— Ты о чем, Бесси? Почему «неладна»?

— А что ж в ней хорошего? — Та снова оглянулась на дверь гостиной и понизила голос: — Ведь Эйнара-то противу воли женят! Норманны, что от конунга старшему хозяину приглашение привезли, моему Тихоне за чаркой вчера растрепали. Он мне, понятно, не сказывался, но что ж я, глухая, что ли? Они как наберутся, дак орут на весь дом, не хочешь — услышишь! А вы, стало быть, не знали, госпожа?

— Не знала, — задумчиво отозвалась леди Мак-Лайон. «Так вот почему он нас с Иваром звать не стал, — поняла она. — Уж конечно, не много радости... А мы-то голову ломаем, что стряслось?» Она наморщила брови. Брак по договоренности — дело понятное. Но Бесс сказала — «против воли». Эйнар, стало быть, жениться не хочет? Почему? Нэрис подняла голову:

— Бесси, а вот интересно мне...

— Чего Эйнар-то кобенится? — с полуслова поняла горничная. — Дак известное дело — не по сердцу невеста. Папаша выбирал, сына не спрашивал.

— Мы с Иваром тоже суженых себе не выбирали, — пожал плечами, сказала Нэрис. — И ничего. Можно подумать, норманны только по любви женятся.

— Это вряд ли, — рассудительно сказала Бесс. — Что они, особенные такие, что ли? Но вы ж сами посудите, одно дело — мой Ульф. Он человек простой, да и батюшка его давным-давно в этой ихней Вальгалле меды пьет. А Эйнар — сын конунга, не след ему черт-те с кем путаться.

— Выгодный брак, — кивнула леди. — Погоди-ка! «Черт-те с кем»? Так у него, выходит, уже возлюбленная имеется? Сильно неподходящая?

— Точно так, госпожа!.. Норманны болтали, что девица-то красивая, при всех добродетелях, да из семейства дюже недружественного. Ее брат с конунгом и не прочь бы породниться, а вот сам конунг как есть против!.. Эйнар уж его и просил, и ругался с ним, да все без толку. До того, сказывают, дошло, что сэконунг едва девицу из отчего дома не увез, на честь рода наплевавши. А что, она-то согласная! Да только не вышло у них ничего. Донес кто-то конунгу, тот осерчал да и сосватал сыну другую. Из своих, понятно, ну и чтоб власть отцовскую показать. Куда Эйнару теперь деваться? Этак ведь не только с батюшкой, но еще и с кла-

ном невестиным, случись чего, рассоришься! А уж вы мне поверьте, сама с норманном живу: таких обид они не прощают...

Лорд Мак-Лайон, кутаясь в плащ, мерил широкими шагами караулку, то и дело спотыкаясь о рассыпанные возле печурки поленья. У стеночки, руки по швам, смиренно стояли Мартин и Мэтью Мак-Тавиши. Толстошекие физиономии близнецов выражали почтительное внимание, никак не вяжущееся с мечтательно-отстраненным блеском глаз: нотации командира брата слушали вполуха, а мыслями были уже за сотни верст от Файфа, на шумном норманнском пиру.

— ...Поэтому повторяю — никакой самодеятельности! Мы представляем не только лэрда Вильяма, но и всю Шотландию в лице его величества. То, что целью поездки является свадьба сына конунга, ни в коем случае не облегчает нашу задачу. У северян все по-простому, а в такой обстановке сболтнуть лишнее — раз плюнуть. Особенно по пьяному делу. Ясно, куда клоню?

— Дык...

— Еще бы...

— Замечательно. Теперь что касается завтра: гонцам не хамить, на драку не нарываться, на провокации возможные — не отвечать. Олаф Длиннобородый не меня, а тестя моего на праздник позвал, и не в наших интересах норманнов раздражать попусту. Гонцы, положим, от замены игрока и без того не в восторге. Как сходни поднимут — чтоб я вас обоих до самого северного побережья не видел. Поняли?

— Так отожд...

— Не дураки, чай, соображаем...

Ивар замедлил шаг, недоуменно покосился на слаженно кивающую головами парочку и продолжил:

— Как высадимся — держите ухо востро. Не расслабляйтесь! Знаю я норманнские гулянки, не выпьешь — обидишь, а всем уважение оказывать никакого здоровья не хватит. Вам-то, положим, оно и за счастье, но нас всего пятеро едет, и мне вместо бойцов два куля с мукой не нужны. В общем, без закуски не хлопбыстать, языками не трепать, девиц чужих не щупать и от своих ни на шаг не отходить!

— Это как бог свят...

— С нашим удовольствием...

— Кхм. С удовольствием, значит? — Лорд Мак-Лайон снова остановился, на мгновение прищурился и добавил, не меняя тона: — Прекрасно. А теперь ступайте на конюшню и передайте Творимиру, что я велел всыпать каждому по двадцать плетей в счет будущих заслуг. И фляги ему же сдайте, целее будут. Возражения есть?

— Нет! — витающий в облаках Мэтью, с облегчением выдохнув, споро развернулся к дверям — и протяжно взвыл, когда в затылок ему со свистом влетело тяжелое полено.

С лица Мартина, который, на свое счастье, замешкался и не успел повернуться к командиру спиной, мигом исчезла мечтательная полуулыбка. Братцы встряхнулись, подняли изумленные глаза на лорда Мак-Лайона — и дружно попятились...

Минут пять спустя Творимир, привлеченный шумом со двора, высунул нос из конюшни и удивленно ухнул: все свободные бойцы и добрая половина домашних слуг облепили караулку, галдя как сороки, а изнутри пристройки набатом гремел знакомый голос:

— Подлецы! Пропойцы несчастные! Все жилы из меня вытянули!.. А ну, стоять! Я вас, мерзавцев, научу слушать! Слов не понимаете? Не понимаете, да? Так у меня аргументы повесомее найдутся...

— Ивар, не надо-о-о!

— А что надо? Налить на посошок и дать вам, паршивцам, перед соседями нас опозорить? Распустили слюни, шантрапа кабацкая! Гулять они едут! К черту командира, к черту инструктаж... Стоять, кому велено? В глаза смотреть! Я перед вами, дармоеды, ради чего полчаса распинался, а? Ради собственного удовольствия?!

— Ивар, мы больше не бу-у-удем!..

— Да плевать мне! Хоть на голове ходите, хоть в две хари северянам войну объявляйте — все! Кончилось мое терпение!.. Пятнадцать лет кровь мою пили, негодяи, да все мало? Сыт я по горло вашей дуростью! Собирайте барахло и вон из отряда!

— Ива-а-а-ар! — дружный, полный ужаса вопль.

Творимир улыбнулся в бороду. Все это он слышал не раз — что громкие угрозы, что покаянные клятвы. Ивар, понятно, с умыслом страшает, а вот братцы каждый раз верят. Этих двух орясин надуть даже дите несмышленное может... Интересно, за что командир их чихвостит? Вроде бы пока не за что. Или, может, про запас? К норманнам же едут, а что у тех, что у других две радости в жизни — глаза залить да кулаками помахать. И дури — по пуду на каждого.

— Ивар! — донеслось из караулки. — Вот те крест! В последний раз!

— Тише мыши будем! Ей-богу, лопни мои глаза!

— Знать ничего не хочу. Пшли вон!

— Ну Ива-а-ар!

— Вы еще здесь?!

Зеваки сыпанули от двери в разные стороны: из караулки, спотыкаясь, вылетели растрепанные близнецы. Морды красные,

волосья всклокоченные... Творимир, посторонившись, пропустил братьев и, добродушно хмыкнув, шагнул через порог. Лорд Мак-Лайон, привалившись плечом к стене, сосредоточенно вынимал из ладони занозы. В отличие от Мак-Тавишей, королевский советник вид имел вполне обыденный и даже несколько скучающий — словно не он, а кто-то другой еще минуту назад орал на весь двор, швырялся поленьями и топал ногами.

— Эх? — Русич прикрыл дверь у себя за спиной и повернулся к товарищу.

Тот, не поднимая головы, легонько пожал плечами:

— А что делать, друже? Самому надоело, но ведь они по-людски не понимают. Купились?

— Эх, — согласно прогудел бывший воевода, собирая разбросанные по полу поленья.

Ивар, совладав с последней занозой, поправил сползший с плеча плащ и выглянул в маленькое окошко: любопытные потихоньку расходились, Мак-Тавишей видно не было. Унеслись в расстроенных чувствах товарищам по оружию жалиться.

— Надеюсь, я палку не перегнул, — сказал лорд.

— Эх, — отмахнулся Творимир. Он своих подопечных знал не первый день. Да им, толстокожим, что поленом по макушке, что угрозы — все едино! Пару часов поноют, а после виниться придут да прощения просить, дело известное. Зато потом тише воды станут — пусть и ненадолго. Главное, чтоб вправду слишком сильно горе вином не заливали! Эдакие туши на собственном горбу по сходням вверх тащить — невелика радость.

— Жаль, Лесли пришлось в Стерлинге оставить, — посетовал Ивар, отходя от окна. — И Робина... Толку от них не в пример больше, чем от этих двух дурней.

— Эх, — посочувствовал русич, выпрямляясь и отряхивая руки от сора. К молодому Гамильтону воевода был равнодушен, хоть и признавал, что парень он башковитый и боец неплохой. А вот Робина вправду было жаль. Творимир знал его давно — еще с тех пор, когда только нанялся служить к лорду Мак-Лайону. Зубоскал, конечно, еще тот, но человек надежный, с понятием. Опыт, опять же, проверка временем: почитай, лет пять рядовым бойцом в отряде по всей Шотландии вместе с ними мотался, потом еще семь начальником гарнизона во Фрейхе состоял без нареканий... И по первой просьбе командира место спокойное, хлебное оставил — ко двору явился, друга поддержать. Глава королевской охраны — должность почетная, да только от нее больше хлопот, чем выгоды. Вот и на север поехать не смог. А верных людей в окружении главы Тайной службы раз-два и обчелся.

Русич ободряюще хлопнул Ивара по плечу. И улыбнулся — не беспокойся, мол, дело житейское!..

— Согласен, — благодарно кивнул королевский советник. — Извернемся уж как-нибудь. Вещи собрали?

— Эх.

— Хорошо. Ульф небось до сих пор скачет выше головы от радости. Не успел домашних осчастливить новостью, как уже на пристань унесся, к своим.

Творимир понимающе прикрыл глаза. Еще бы! Тянет небось мужика на родину. А тут семья, служба — на чужих-то берегах. Воевода протяжно вздохнул: пусть Шотландия для него уже давно стала домом, но иногда все-таки тоже находило. Вспоминался знакомый бор, закопченный потолок общей избы, родная речь, которой он не слышал уже много лет — и что-то начинало щемить в груди, звать да тянуть. Только в отличие от Тихони, Творимира на родине никто не ждал. А если и ждали, дак еще подождут! Русич поморщился: разбуженная память услужливо воскресила не только милые сердцу просторы, но и бывших товарищей. Время давно стерло их лица, оставив только размазанные кляксы, но каждый раз при мысли о прежних соратниках Творимиру становилось горько и тошно, будто он объелся пылини.

Поймав на себе вопросительный взгляд лорда Мак-Лайона, воевода встряхнулся и махнул рукой:

— Эх!..

— Уверен?

Творимир коротко кивнул. И, толкнув плечом дверь караулки, вышел. «Опять не к месту прошлую жизнь вспомнил, — понял Ивар, сквозь заиндевшее окошко провожая взглядом широкую спину своего телохранителя. — Который раз за этот месяц. Зачастил, однако. С чего бы?»

— Стареем, друже, — с невеселой улыбкой пробормотал он, отводя взгляд. — Стареем... Н-да!

Нэрис, одной рукой придерживая концы шали, подняла повыше жестяной подсвечник. Толку от него было мало — дрожащий огонек одной-единственной свечи был не в состоянии разогнать холодный мрак погребца. По ногам сквозило, в углах шурушали лапками крысы, но леди Мак-Лайон отступать не собиралась.

— Эй! — Постаравшись придать своему голосу хоть малую толику уверенности, она сделала еще пару шагов и остановилась. — Эй, ты тут?

Погреб молчал.

— Дружочек! — снова позвала она, озираясь по сторонам.

Темные очертания бочек, мешки с овощами, подвешенные к потолку окорока — ни звука, ни движения. И пронизывающий холод.

— Дружочек, ты здесь?.. Ну ответь же! Я тебя обыскала!

Справа что-то царапнуло камень. Нэрис примолкла, наострив уши, но через долгую минуту вынуждена была признать, что это лишь очередная голодная крыса. Брауни как сквозь землю провалился. И ладно бы он просто еще вернуться не успел! Однако перед ужином Нэрис своими глазами видела, как один из отцовских псов, сунувшись под стол за упавшим куском, испуганно взвизгнул и дунул вон из кухни с такой быстротой, будто за ним черти гнались. Собаки у лэрда Вильяма были рабочие, охотничьи, и крыс давили со скуки десятками. Кошек в замке не держали. Так от кого же, позвольте спросить, здоровенный кобель, как щенок месячный, поджав хвост, шархнулся?..

Жестянка качнулась в дрогнувшей руке, на каменный пол пролился воск. Света, и без того жиденького, стало еще меньше. «Сейчас погаснет, — с досадой подумала Нэрис, быстро обернувшись в сторону двери, — и набыю я себе шишек! Ну что он от меня прячется? Все одно ведь прошлой ночью лишнего наболтал, какой резон таиться? Наказание сплошное!»

Свеча предупреждающе зашипела. Леди Мак-Лайон тихонько чертыхнулась и, сведя брови на переносице, выпалила в темноту:

— Выходи, тебе говорят! Мало мне твоих страшилок вчерашних, так теперь я еще полночи буду по замку рыскать? Нам отплывать на рассвете, как тебе не совестно?!

Никто не отозвался.

— Ах, так? — возмутилась она. — В молчанку играть будем, значит? Ладно!

Нэрис грохнула подсвечник на пыльную крышку сундука и решительно уселась рядом, скрестив руки на груди:

— Никуда я отсюда не уйду, покуда не явишься! И ежели насмерть до утра замерзну, то так и знай — это ты виноват. Только пугать и горазд, а как...

— Ну, пошла честить, — прокряхтел от стены знакомый надтреснутый голосок. — Здесь я. Подняла бучу до самой крыши. С сундука-то встань, платье угваздаешь.

— Не встану!

— И чего вредничать? — Темный комок шерсти подкатился к подолу ее платья и, сопя, вскарабкался наверх. — Чай, не враг я ни себе, ни тебе, ужо пришел бы, как все улягутся... Так ведь нет, нейметса ей. Вынь да положь сей же секунд! Терпение надо иметь. Такое мое мнение.

Нэрис улыбнулась. Холодный мрак погребца, крысы, собственное недовольство — все тут же отступило на задний план. И даже погасшая таки свеча не умерила радостного облегчения: брауни пришел! Пускай брюзжит, не в первый раз; главное, что дальше прятаться не стал. Значит, не так уж все и плохо?

— Ивар последние распоряжения оставляет, — смущенно пояснила леди. — Засел в спальне сразу после ужина, ничем не выманить. Так и будет небось до рассвета пером скрипеть, знаю я его. Как же ты пришел бы?

— Делов-то, — пренебрежительно отозвался домашний дух. — Пусть я в волшебстве не первый, да сонную одурь наслать и столетка зеленый может. Когтями шелк — и спит твой благоверный. А вот ежели он тебя сейчас хватится?

— Глупости. Если Ивар в бумаги зарылся, то ему хоть кол на голове теши. А детей я уложила... Да будешь ты рассказывать или нет?!

— Куда ж я денусь, — тяжело вздохнул он. Ссутулился, помолчал, глядя на собственные лапы, и нехотя буркнул: — Расскажу, что можно, дело понятное. Нишкни! Затрепыхалась ужо. Видения — штука такая, с ними никогда не знаешь, что правда, что нет. Оне ить порой прямо говорят, а порой предупреждают только!

— Так ты же вроде хотел посоветоваться? Ну, со своими?

— А я посоветовался. Дак ведь и мудрецы наши — не око всевидящее. Разве что опыту поболее, а так... В общем, молчи и слушай! Хлебом ее не корми, дай поперекаться!

Нэрис послушно притихла. Тон у брауни был серьезный, и раздражать его по пустякам, рискуя остаться ни с чем, ей совсем не хотелось. Еще взбрыкнет, чего доброго, и ломай потом голову — чего от судьбы-злодейки ждать?

— Говорил я со стариками, — после паузы начал хранитель очага, — долго говорил. Все как есть им выложил! И про вас, и про поездку вашу грядущую, и про вчерашнее. Сдуру едва с тобой в море не выпросился — хорошо, язык вовремя прикусил. Мне еще Ирландия по сю пору аукается... Брр! — Он скорчил страдальческую гримасу и, передернув плечами, продолжил: — Как бы то ни было, но меня выслушали. Старое помянули, конечно, не удержались, да судить не стали: мы ведь, брауни, при очаге людском состоим, а какой без вас очаг?... Стало быть, посочувствовали мне, порасспросили, камланые произвели да бороды узлом и завязали — как быть? Ехать мне с вами, понятно, никак не можно. Да и толку-то? На севере небось своей братии довольно. Еще влезу, как муженек твой, в самое гнездо осиное — всем мало не покажется!

— Так что же делать?

Домашний дух развел лапами:

— Вам — ехать. Мне — предостеречь. Всего рассказывать не велели, чтоб судьбу не искушать, но кое о чем упомянуть дозволили...

Он умолк, будто собираясь с мыслями. Нэрис, вцепившись пальцами в концы шали, вся превратилась в слух. Даже крысы, кажется, прекратили свою извечную возню, и в каменной клетке погребца повисла звенящая напряженная тишина.

— Свадьба эта не к добру, — снова сказал брауни. — Врать не буду, ничего такого не видал, но сердцем чую: заварил конунг кашу, все хлебнут по полной миске! Так что вы уж там того... ухо остро держите. Мужу передай, чтоб меж двух мечей не совался — друг о друга не затупятся, а его зацепят. Скажи, чтоб вина хмельного не пил, кольчугу не снимал и на прошлое не оглядывался, целее будет. А пуще всего упреди, чтоб бежал со всех ног, как только дымом потянет! Огонь все преграды сотрет, стужа лютая ему не помеха...

Леди Мак-Лайон медленно кивнула. Черные глазки домашнего духа беспокойно блеснули в темноте.

— Да что там! Супруг твой калач тертый, он небось и без моей указки разберет, в какую сторону повернуть. А вот ты? Ни силы в тебе, ни глаза острого. Каждому слову веришь, каждой слезинкой чужой душу себе рвешь. Оно, мож, и правильно, того не ведаю, а только осторожней будь! Супруга держись, едва снег в воздухе закружит — дверь на засов и наружу ни ногой! А коль так повернется, что лестницу каменную перед собой увидишь да ступишь на нее, не подумавши, — колени в кровь сотри, но одолей, до самой ступенечки последней... И крепко запомни: не оборачивайся, кто бы ни звал! Поняла?

— Примерно.

— Ну вот и ладушки. Слазь с сундука-то, весь подол в пыли. Я, понятно, почищу за ночь, да у меня и так забот... Что?

Нэрис нахмурилась:

— Погоди-ка, дружок! Я да Ивар — это еще не все. И вчера ночью ты говорил про оборотня. Сказал, что он умрет! Оборотень — это?..

Брауни опустил взгляд, и леди Мак-Лайон в секунду прошиб холодный пот. Значит, она поняла все правильно? И Творимир, он... его...

— Не может быть!

— Все может быть, — глухо отозвался домашний дух. И, собрав волю в кулак, поглядел на бледную воспитанницу снизу вверх. — Убьют оборотня. Я видел.

— Но, может, это просто предупреждение? Ты ведь сам сказал, такое тоже бывает?

— Убьют, — мотнул головой брауни. А потом добавил пустым, бесцветным голосом: — Ножом под сердце кровь не отворяют. Даже я знаю...

Лорд Мак-Лайон, не отвлекаясь на звук скрипнувшей двери, обмакнул перо в чернила и, начав новый абзац, рассеянно спросил:

— Который час?

— Пятый, — отозвались за спиной. Открылась и вновь закрылась крышка дорожного сундука, зашуршали падающие на пол юбки. — Ты бы прилег хоть на пару часов, Ивар.

— Да-да, я уже заканчиваю, — пробормотал он, налегая на перо. И только спустя долгую минуту осознал, что ему никто не возражает. Это было странно. Нэрис, тщась о здоровье мужа, обычно не приветствовала ночных бдений. А если вспомнить, что до рассвета осталось всего ничего и им обоим предстоит долгая дорога...

— Нэрис? — Он обернулся. Увидел сброшенное у кровати платье и каштановую макушку, выглядывающую из горы одеял, вспомнил, что ему даже доброй ночи не пожелали, и поднял брови: — Милая, все в порядке?..

— Да.

— Нет, — нахмурился лорд. И, бросив перо, поднялся. — Что случилось? Ты плохо себя чувствуешь?

— Все хорошо, дорогой. Я просто устала.

Ивар бросил взгляд на перепачканные юбки, сделал вывод и присел на кровать:

— Ясно. Своего мохнатого приятеля ты все же отловила. И чем же он, позволь узнать, так тебя напугал?

Жена молчала.

— Нэрис, или ты мне все рассказываешь, или я еду один.

— Ивар!

— Ну?..

Леди Мак-Лайон вдохнула, выдохнула и отняла лицо от подушки:

— Милый, честное слово, никто меня не пугал. Я и правда устала. А брауни... Ну, он, конечно, прояснил кое-что. Велел опасаться метели, не лезть куда не надо, чего попало на веру не брать и что-то там про лестницу — сам толком понять не может что. А тебе просил передать, чтобы в распри не встречал, огня опасался и прошлое забыл, будто его и не было.

— В каком смысле?

— Не знаю, — она развела руками. — Говорю же, толку от его разъяснений никакого, только зря в погребке мерзла... А! Еще тебе нельзя кольчугу снимать, вот.

— Ну, до этого я бы и сам мог додуматься. Но лестница — это любопытно... Что за лестница?

— Понятия не имею. Но на ней оглядываться нельзя. Мне.

— Только тебе? Почему?

Леди Мак-Лайон вновь развела руками. Советник саркастически хмыкнул:

— Сдается мне, котенок, что кое-кто просто решил сменить тактику. Уговоры-то на тебя давно не действуют, глядишь, хоть припугнуть получится!.. Сама посуди, он же от тебя сплошь общими фразами отделался. Огня бояться, если что, еще с младенчества учат, как и тому, что в метель дома сидеть надо. А уж касательно твоей доверчивости, я вообще промолчу!

— Но как же тогда лестница? И это... прошлое?

— С лестниц, милая, часто падают. Да и в прошлом зазря копаться смысла нет. — Он с улыбкой обнял жену и поцеловал ее в макушку. — Спи, котенок. До рассвета всего ничего осталось. Я сейчас закончу и тоже приду. Спи.

Нэрис, кивнув, улыбнулась. Угроза допроса с пристрастием миновала, но ей все равно было стыдно своей слабости — ведь собиралась же не подавать виду! Собиралась вести себя как ни в чем не бывало!.. И что? Только увидела мужа, над столом склонившегося, ничего не подозревающего — и тут же рассиропилась. А кому от этого легче станет? Ей? Ему? Или Творимиру, которому не суждено вернуться с севера?..

Подумав об этом, она почувствовала, как снова задрожали губы и к горлу подкатил тугой комок. Ну зачем? Зачем ей нужно было все это знать? И что теперь делать? Как дальше жить?

«Как раньше», — всплыли в ее мозгу недавние слова домашнего духа. Снова вспомнился темный холодный погреб, свое отчаяние... Нэрис металась из угла в угол, ломала руки, умоляла брауни признаться, что он все это выдумал, — но напрасно. Сморщенная мордочка шерстистого приятеля была непривычно суровой, а черные глазки смотрели с непоколебимой уверенностью.

— От судьбы не уйдешь, — повторял он. — Думаешь, мне оно радостно? Я Творимира вашего знаю — хоть перевертыш, а большой души человек. И тут такие новости! Да не реви, не маленькая. Чай, не мужу твоему смерть напроорочил, ну?

— А есть разница? — всхлинула Нэрис. — Творимир ведь нам друг!

— Друзья тоже не бессмертные, — проскрипел брауни. — Уж пора бы знать... Не реви, говорю! Счас сюда весь дом сбежится. Оно тебе надо?

— Ничего мне не надо, — прорыдала она, уткнувшись лицом в ладони, — мы никуда не поедем! И никто... никого... ножом... не пырне-о-от!..

— Ш-ш! — Хранитель очага приложил когтистый палец к губам. — Ты что, хочешь, чтобы муж тебя услышал? Чтоб прибежал, попытаться начал, отчего слезы да вой? А ведь прибежит! И дознается!

— А лучше друга мертвого ему предъявить, да?!

— Не знаю, — сдался брауни. — Ничего я уже не знаю... А только поедешь ты завтра с ними обоими вместе и ни словечком о разговоре этом никому не обмолвишься, ясно? Без того сглупил, все тебе выболтал, старый осел. А с провидением шутки плохи! Оно ж найдет, как извернуться. И кто на кого тогда нож подымет — нам ли знать, а?

«Нам ли знать...» — эхом повторила про себя леди Мак-Лайон, прижавшись щекой к камзолу мужа. Руки Ивара ласково гладили ее плечи, родной глуховатый голос шептал что-то неразборчиво-убаюкивающее. И черная накипь грядущего потихоньку смывалась с души, унося с собой все страхи и сомнения. Пусть!.. Чему быть, того не миновать. «И даже если нашей лодке суждено пойти ко дну, — стиснув зубы, подумала Нэрис, — я останусь в ней, чтоб увидеть это своими глазами!»

ГЛАВА 4

Творимир, оскальзываясь на заледеневших сходнях, спустился вниз. Оглядел пустынный причал, тонущий в густых синих сумерках, и, поймав вопросительный взгляд командира, развел руками:

— Эх!

— Все осмотрел? — нахмурился Ивар. — Точно?

Тот кивнул. Лорд Мак-Лайон окинул взглядом вытасенные на берег лодки и с сомнением посмотрел на большой купеческий кнорр¹, стоявший на приколе неподалеку:

— Может, этих спросить?

— Эх... — Творимир махнул рукой. У купца он уже интересовался. Без толку, только тревожил зазря бедолагу. У него и так торговля из рук вон, половину товара не продал, в Шотландии до самой весны застрял, сплошные убытки — вот ему только Мэта с Марти не хватало!

¹ Кнорр (норв.) — один из типов деревянных кораблей северян. Во многом кнорры были схожи с драккарами, однако, в отличие от них, являлись не военными, а скорее грузовыми и торговыми судами, поэтому были более широкими и вместительными, хотя развивали меньшую скорость.

Поняв, что на пристани можно уже не искать, Ивар сердито фыркнул:

— Да что за черт? Куда они могли подеваться?.. Ульф! Ульф, поди сюда!

Из холодной мглы вынырнула внушительная фигура норманна. В этот зыбкий и темный предрассветный час Ульф с Творимиром казались близнецами. А вот настоящих близнецов, Мэта и Марти, как корова языком слизнула.

— Звали, ваше сиятельство?

— Звал. Ты Мак-Тавишей не видел?

— Нет. — Тихоня недоуменно пожал плечами. — Так ведь вы же их вроде выгнать изволили?

— Чего?!

— Ну, как же... вчера еще, пополудни! Мне ребята сказывали. Наврали, что ль?

Ивар издал какое-то невразумительное восклицание. А могучий норманн, оглянувшись на замок Максвеллов, добавил:

— Нет, не наврали. В дневном карауле их не было, даже ужинать не явились. Дерек еще смеялся — мол, давно пора было турнуть... Иль не понял я чего, ваше сиятельство?

Лорд Мак-Лайон чертыхнулся и, плюнув себе под ноги, стремительно исчез в темноте. Ульф удивленно моргнул.

— Что это он?..

Творимир не ответил. Обернулся на корабль северян: сундуки погружены, команда последнего приказа ждет, а эти два остолопа, гляди ж ты, в обидки ударились. Нашли время!.. Где их искать-то теперь? И когда? Вот-вот же отплывать. Гонцы конунга без того неделю ответа ждали, не говоря уж о том, что ответ сей им мало понравился... А теперь как быть? Еще полдня тянуть? Проснулась же у дураков гордость не ко времени!

Русич с досадой поморщился, тряхнул головой и, даже не взглянув на Тихоню, заспешил вслед командиру. Ульф только рот раскрыл:

— Куда?!

Ответа он опять не дождался. Лорд и его телохранитель растворились в утренней синеве. «Хоть объяснили бы толком! — в сердцах подумал норманн, беспокойно топчась на месте. — Ладно еще хозяин, это у него дело обычное... Но Творимир-то уж мог бы. И чего взбудоражились? Ну, выгнали и выгнали! Дерек прав, давно пора было. Поди пойми — то «пошли вон», то «куда девались?» А мне чего делать теперь? Ждать? Или Гуннара упредить, чтоб погодил с отплытием?»

Норманн, задрав голову, посмотрел на расправленный парус. Вспомнил хмурое лицо капитана, истомившихся долгим бездельем соотечественников и все-таки решил подождать.

Нэрис, тихо прикрыв за собой дверь детской, сняла с руки теплый плащ. С родителями, чтобы не будить их в такую рань, она попрощалась еще вчера. Дом спал. Даже слуги пока не поднимались.

Внизу громко хлопнула дверь, послышались торопливые шаги и сердитое брюзжание. Ивар?.. Он же ушел полчаса назад на пристань. Зачем вернулся? Забыл что-нибудь? Так ведь сундуки еще вечером на корабль свезли, а она и сама уж как-нибудь доберется — тут ведь до причала рукой подать, и каждая тропинка с детства знакома. Леди Мак-Лайон наморщила брови, быстро накинула плащ и сбежала вниз по лестнице. Окинула взглядом пустой холл. И, увидев открытую дверь в кухонный коридор, негромко позвала:

— Ивар! Это ты здесь шумишь? Что случилось?

— Все в порядке. — Появившийся из коридора муж дернул плечом. — То есть почти все. Мак-Тавиши пропали.

— Как это?

— А вот так, — буркнул он. — Убей меня бог, если я что-нибудь понимаю!.. Ну, задал им вчера взбучку — так в первый раз, что ли? Их ведь пока не пнешь, не почешутся. Хотел бы выгнать — выгнал бы еще лет десять назад, и они это знают! Что им вдруг вожжа под хвост попала?

— погоди, — снова нахмурилась Нэрис. — Они сбежали, что ли?

— Выходит, да. А искать да возвращать времени нет, норманны еще неделю ждать не будут. Ярл Гуннар и так не в восторге от идеи тащиться обратно в такую погоду. Он и сюда-то плыть не хотел.

— Так, может, близнецы раньше вас на корабль успели?

— Нет. Творимир там каждый дюйм обнюхал... Да они издеваются?! — вспылил лорд. — Я ведь предупреждал, что дело серьезное, просил гонцов не злить! На горло себе наступил, в поход позвал... И после этого подложить мне такую свинью?!

— Тихо, тихо, милый. — Она ласково коснулась пальцами его локтя. — Образуется. Если нет времени ждать — значит, и не будем. Мэт с Марти взрослые люди, им пора уже научиться отвечать за свои поступки. Пойдем.

— А как же Мак-Тавиши?

Она молча пожала плечами. Ивар снова чертыхнулся. Потом помолчав, кивнул и подал жене руку:

— Ладно. И то верно, не маленькие. Надоело. А где твоя горничная?

— Кэт остается. Подняла вой, мол, ни за что не поедет, хоть выгоняйте. Ну ее. Как-нибудь справлюсь, руки не отсохнут.